

УДК 94(436+438+470+477+478); 82-3;82-4

UDC

DOI: 10.17223/18572685/79/2

Всеволод Крестовский (1840–1895): жизнь, труды и русинская тематика в произведениях русского писателя и офицера

С.Г. Суляк

Санкт-Петербургский государственный университет
Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская набережная, 7/9
E-mail: s.sulyak@spbu.ru

Авторское резюме

Всеволод Владимирович Крестовский (11 (23).02.1840–18 (30).01.1895) – русский писатель, поэт, литературный критик, журналист, переводчик, военный историк, политик, редактор. Полковник Русской императорской армии. Происходил из старинного малороссийского дворянского рода. Закончил 1-ю Петербургскую гимназию. Отучился два года на историко-филологическом факультете Императорского Санкт-Петербургского университета. Писать стихи и рассказы начал ещё в гимназии. В студенческие годы примкнул к либеральному лагерю. Некоторые его стихотворения стали революционными песнями. Покинув университет, сотрудничал в ряде газет и журналов. В 1863 г. под влиянием Польского восстания перешёл в патриотический проправительственный лагерь, отказавшись от нигилистических воззрений. В 1865–1866 гг. он стал членом комиссии, учреждённой для исследования подземелий Варшавы. В них скрывались участники польского мятежа. Теме революционного движения посвятил два романа, вышедшие под общим названием «Кровавый пух. Хроника о новом смутном времени Государства Российского» (Т. 1–4. СПб., 1875). В 1858 г. у Крестовского родился замысел написать роман «Петербургские трущобы». Роман публиковался в «Отечественных записках» в 1864–1866 гг. Отдельным изданием вышел в 1867 г. Роман имел огромный успех. В 1868 г. писатель поступает унтер-офицером в 14-й уланский Ямбургский полк. Создает ряд произведений на военно-историческую тематику. Участвует в Русско-турецкой войне 1876–1877 гг. Пишет трилогию «Тьма египетская», «Тамара Бендавид» и «Торжество Ваала», которая публиковалась в «Русском вестнике» в 1881–1891 гг. В третьей, неоконченной части «Торжество Ваала» содержится пророческое предостережение о том, что противники самодержавия меняют тактику и вместо «хождения в народ» начинают «идти в правительство».

24 апреля 1888 г. В. Крестовскому было присвоено звание полковник. В 1892 г. он стал редактором газеты «Варшавский дневник». Умер 18 января 1895 г. в Варшаве. Был похоронен на Никольском кладбище Александро-Невской лавры. Во время службы в пограничной страже (1887–1892 гг.) В. Крестовский собрал обширный материал. В результате вышел ряд очерков, в некоторых затрагивается русинская тематика («Вдоль австрийской границы (Путевые заметки)», «Русский город под австрийской маркой», «Православная церковь на Буковине», «Под австрияка или под прусса»).

Ключевые слова: Всеволод Крестовский, писатель, поэт, журналист, русины, руснаки, Галичина, Буковина, Бессарабия

Vsevolod V. Krestovsky (1840–1895): Life, oeuvre, and Rusin themes in the writing of a Russian author and officer

Sergey G. Sulyak

St. Petersburg State University

7/9 Universitetskaya Embankment, St. Petersburg, 199034, Russia

E-mail: s.sulyak@spbu.ru

Abstract

Vsevolod Vladimirovich Krestovsky (February 11 (23), 1840 – January 18 (30), 1895) was a Russian writer, poet, literary critic, journalist, translator, military historian, politician, and editor. He attained the rank of Colonel in the Russian Imperial Army. Hailing from an ancient Malorossian (Little Russian) noble family, he graduated from the First Saint Petersburg Gymnasium and subsequently studied for two years at the Faculty of History and Philology of the Imperial Saint Petersburg University. He began writing poetry and short stories while still a gymnasium student. During his university years, he aligned himself with the liberal camp, and a number of his poems were adopted as revolutionary songs. After leaving the university, he contributed to several newspapers and journals. In 1863, influenced by the Polish uprising, his views shifted dramatically towards patriotism and support for the government, marking a renunciation of his former nihilist beliefs. In 1865–1866, he served on a commission established to investigate the dungeons of Warsaw, which had been used as hiding places by participants of the Polish insurrection. Krestovsky addressed the theme of the revolutionary movement in two novels published under the collective title *Krovavyi Puf. Khronika o novom smut-*

nom vremeni Gosudarstva Rossiiskogo (*The Bloody Puff: A Chronicle of the New Time of Troubles in the Russian State*; 4 vols., St. Petersburg, 1875). In 1858, he conceived the idea for his novel *Peterburgskie trushchoby* (*The Slums of Petersburg*), which was serialized in the journal *Otechestvennye zapiski* from 1864 to 1866 and published as a separate edition in 1867. The novel was a tremendous success. In 1868, Krestovsky enlisted as an unteroffizier (non-commissioned officer) in the 14th Ulansky Yamburg Regiment. During this period, he wrote a number of works on military-historical themes and saw action in the Russo-Turkish War of 1877–1878. He is also known for his trilogy – *T'ma egipetskaya* (*Egyptian Darkness*), *Tamara Bendavid*, and *Torzhestvo Vaala* (*The Triumph of Baal*) – which was published in *Russkiy vestnik* between 1881 and 1891. In the third, unfinished part, *The Triumph of Baal*, he issued a prophetic warning that the opponents of autocracy were changing their tactics: instead of “going to the people” (*khozhdenie v narod*), they had begun to “infiltrate the government” (*idti v pravitel'stvo*). Krestovsky was promoted to the rank of Colonel on April 24, 1888. In 1892, he was appointed editor of the newspaper *Varshavskiy dnevnik*. He died in Warsaw on January 18, 1895, and was buried at the Nikolskoe Cemetery of the Alexander Nevsky Lavra in St. Petersburg.

Keywords: Vsevolod Krestovsky, writer, poet, journalist, Rusins, Rusnaks, Galicia, Bukovina, Bessarabia

Всеволод Владимирович Крестовский – личность уникальная. Его работы, имевшие большой успех до революции, впоследствии были надолго забыты. Имя когда-то одного из самых популярных писателей, «нашего Эжен Сю», как отметил известный советский и российский филолог и литературовед В.А. Викторovich, лишь изредка всплывало «в «обойме» антиингилистических писателей. Не могут обойти его биографы Достоевского, Лескова, Писарева. Лучшие его стихи напечатаны в сборнике «Поэты 1860-х годов» (Л., 1968), подготовленном И.Г. Ямпольским. Единственный раз после революции вышли «Петербургские трущобы» (Т. 1–3. М.; Л., 1935–1937, издание подготовлено И.Н. Кубиковым), да и то в урезанном виде. Всерьёз исследовать творчество Крестовского, весьма объёмное и разнородное, считалось почти неприличным: слишком много нелестных для писателя историй было связано с его именем. Прозванный современниками “Всеволодом Клубничкиным”, “русским маркизом де Садом”, Крестовский скандально прославился как автор эротических “испанских” стихов. Начав свою литературную деятельность чуть ли не крайним радикалом, республиканцем, он резко изменил свои взгляды и стал столь же крайним охранителем, монархистом. Бывший товарищ Крестовского Д.И. Писарев бросил ему публичное обвинение в продажности,

которое многократно повторялось в русской демократической печати. После смерти Крестовского ещё одно обвинение – в плагиате – легло пятном на его и без того небезупречную репутацию. Если к этому добавить серию скандалов (в том числе семейный), сделавших его героем газетных хроник, да ещё славу шовиниста, то портрет будет уж слишком монструозным. Едва ли другой такой найдётся в русской литературе» [7: 44].

Добавляет колорита данной личности и тот факт, что под его фамилией творило несколько литераторов. Псевдоним В. Крестовский использовала писательница Надежда Дмитриевна Хвошинская (в замужестве Зайончковская; 1821–1889). М.К. Цебрикова, современница Хвошинской, приводит следующую легенду появления данного псевдонима: «Окончив свой труд (первую свою повесть. – С.С.), она подписала его псевдонимом, выбранным случайно; она спросила первого встречного бедного мальчика о его фамилии и назвалась В. Крестовским. Позже она познакомилась с его матерью и помогала ей» [55: 7]. Этот псевдоним стал постоянным для её прозы с 1850 по 1879 г. [32: 79; 36: 350]. С 1869 по 1889 г., со времени популярности Всеволода Крестовского, она больше использует псевдонимы: Крестовский псевдоним В.; Крестовский – псевдоним В., Крестовский (псевдоним) В. [32: 79]. Однако её посмертное Полное собрание сочинений в 6 томах, вышедшее в 1912–1913 г., назвалось «Полное собрание сочинений В. Крестовского» (СПб.: Издание А.А. Каспари; Издательство «Родина»).

Другой известный случай использования фамилии Крестовского в качестве псевдонима связан с Валентином Владимировичем Курицыным (1879–1911), томским писателем и поэтом, прославившемся как автор криминального романа. Один из самых популярных до начала XX в. роман «Петербургские трущобы» вызвал множество подражаний. Желая приобщиться к славе В. Крестовского, В. Курицын назвал свой роман «Томские трущобы» и подписался псевдонимом Не-Крестовский. В то время как многие его стихи и рассказы публиковались под другими псевдонимами: В.К. Кур., Валентин К-цын, Дон Валентино, В. К. После газетного варианта в 1907 г. в «Сибирских отголосках» «Томские трущобы» вышли отдельной книгой в 1 500 экз. [15: 10].

Слава к Всеволоду Крестовскому возвратилась после того, как по мотивам романа «Петербургские трущобы» вышел российский драматический телевизионный сериал «Петербургские тайны», в котором сыграли известные российские (советские) актёры. Из 60 серий 48 были сняты в 1994 и 1995 гг., остальные – в 1998 г. С тех пор роман выдержал десятки переизданий, вновь увидели свет и другие произведения В. Крестовского.

Всеволод Владимирович Крестовский родился 11 (23) февраля 1840 г.¹ в имении своей бабушки – с. Малая Березянка Жидовско-Гребельской волости Таращанского уезда Киевской губернии [3: 355; 14: III; 42: 21]. Происходил из старинного дворянского рода. Его отец Владимир Васильевич, отставной улан, участник обороны Севастополя, служил комиссаром при Петербургском военно-временном госпитале № 35 и из-за тяжёлого материального положения согласился на переезд жены Марфы (Марии) Осиповны, урождённой Товбич (9.01.1819–20.02.1896) [40: 522], с сыном на жительство к бабушке [14: III]. У Всеволода был брат Леонид (16.04.1853–13.05.1928) и сестра Клеопатра (в замужестве Майкова († 22 марта 1880)) [40: 522; 47; 59].

Мальчик отличался редкой наблюдательностью, восприимчивостью, добротой (выпрашивал у матери деньги для бедных, делился лакомствами с сыном дворника). Обладал хорошей памятью, рано выучился читать и быстро подготовился к поступлению в гимназию. С ним занимались мать, четыре учителя и гувернантки [14: III].

Учился в Петербурге в 1-й гимназии (1850–1856 гг.) и два года – на историко-филологическом факультете Императорского Санкт-Петербургского университета. Русский язык ему в гимназии преподавал В.И. Водовозов. Вскоре после поступления В. Крестовский начал писать стихи, а с IV класса – рассказы. Его рассказ «Вдовушка» попал в руки инспектора Бардовского, который нашёл его «скарбезным, вольнодумным» и предал сожжению. Автору было сделано строгое внушение и дан приказ «больше пустяками не заниматься». Но В. Крестовский продолжал писать. В. Водовозов, заметивший талант своего воспитанника, поощрял его в этом. Его сочинение на заданную тему «Вечер после грозы» «вызвало восторженные отзывы Водовозова». В 1857 г. в журнале «Общезанимательный вестник» были опубликованы перевод оды Горация «К Хлое» и рассказ в стихах «Без дочери». Со следующего года стихотворения, повести, очерки и рассказы В. Крестовского начинают публиковаться в «Иллюстрациях», «Библиотеке для чтения», «Отечественных записках», «Сыне Отечества», а затем – в «Русском слове» (под ред. Аполлона Григорьева), «Русском мире», «Времени», «Эпохе», «Светоче», «Русском вестнике», «Модном магазине», «Ниве», «Заре» и т. д. [1: 684–685; 3: 356; 13: 2; 14: IV–VII; 38: 525; 41: 366; 54: 370].

В университете В. Крестовский увлёкся либеральными идеями, его товарищем становится Д. Писарев. Летом 1858 г. В. Водовозов познакомил молодого литератора с Л.А. Меем, вокруг которого образовался кружок литераторов. Поэзия Л. Мея оказала сильное

влияние на поэзию В. Крестовского, как и «социальная» народность Н.А. Некрасова. Одним из лидеров кружка был известный критик А.А. Григорьев, с которым В. Крестовский дружил до самой его смерти в 1864 г. В. Крестовский воспринял царившие в кружке нравы, к примеру, «что устраивать выгодно свои дела некрасиво, принять казённое место – также, почему до тридцатилетнего возраста оставался в роли неслужащего дворянина, как его именовали в официальных случаях» [9: 147; 14: VI–VI; 33: 818; 54: 370].

Первыми его рассказами были «Не первый и не последний», «Любовь дворовых», «Погибшее, но милое создание» и много небольших, составивших «Петербургские типы» и «Петербургских золотопромышленников». Читателям этих произведений, как отметил Ю.Л. Елец², нравились «редкая простота, отсутствие вычурности, которую страдали в то время многие литературные произведения и глубокое чувство любви к бедным, обездоленным судьбою людям. Это последнее и явилось главным образом залогом того крупного и быстрого успеха, который достался на долю начинающего писателя» [14: V–VI]. Отношение же к его творчеству со стороны критики было двояким: от положительных рецензий до резко отрицательных, называвших сочинения В. Крестовского³ «легковесными», «поверхностными» [57: 52].

Он пишет такие стихотворения, как «Владимирка» (1858), «Париж, июль 1848» (1860), «Полоса» (1860), поэму «Весенняя смерть» (1861) и др. [38: 525–526]. По воспоминаниям литературного критика и историка русской литературы А.М. Скабичевского, В. Крестовский «производил стихами большой фурор на студенческих сходках» и заронил в него «первые семена свободомыслия» [9: 147]. Его стихотворения «Владимирка» (дорога, по которой отправлялись в Сибирь партии закованных в цепи каторжан и ссыльных. – С.С.) и «Полоса» стали революционными песнями, и часто их авторство приписывалось Н.А. Некрасову [9: 147; 16: 606; 57: 51]. Большой популярностью пользовалась его баллада «Ванька Ключник – злой разлучник» (1861). Романс вошёл в репертуар исполнительницы русских народных песен и романсов Надежды Плевицкой. Его стихи «Под душистою ветвью сирени» (1857), «Прости на вечную разлуку!» (1860) стали романсами-шлягерами второй половины XIX в. В. Крестовский, как считал В.И. Калугин, стал одним из первооткрывателей городского романа [9: 147; 16: 606]. Он также стал автором либретто оперы Н.А. Римского-Корсакова «Псковитянка» по одноимённой драме Л. Мея [9: 147].

В 1861 г. он вынужден уволиться по «болезни» со второго курса университета, т. к. не смог совмещать учёбу с активной литератур-

ной деятельностью [9: 146]. С сентября 1860 г. в «Русском мире» В. Крестовский начинает печатать стихи из цикла «Испанские мотивы», принёсшие ему славу «нового Баркова». В 1862 г. вышел двухтомный сборник стихов В. Крестовского, в который были помещены его поэмы, лирические стихи, «Испанские мотивы», легенды. Сборник вызвал резкую критику. В своей рецензии М.Е. Салтыков-Щедрин, признавая автора «писателем не без таланта», назвал его певцом «плотского вождения», «откровенной клубнички». Поэт-сатирик, критик Д.Д. Минаев⁴ в своих многочисленных пародиях на В. Крестовского повторял точку зрения М. Шедрина, анонимный критик либеральной газеты «Голос» назвал главный поэтический мотив В. Крестовского «напевом человеческой похоти» [7: 44–45; 57: 52].

В защиту Крестовского и его первого «испанского» стихотворения «Гитана» (Русский мир. 1860. 21 сент. № 73) несколько слов сказал в своей статье «Искусство и нравственность» (1861) А. Григорьев: «Пусть тайком все это и читается, и с жадностью даже читается поборниками нравственности: признать же законными таких явлений мы не посмеем, лгать-то уж мы очень привыкли». Поддержал поэта радикально-демократический журнал «Русское слово», напечатавший несколько его эротических стихотворений. Впоследствии А. Григорьев изменил своё отношение к этим стихам В. Крестовского, попрекнул «нигилистов», что они «портили и растлевали потворством натуру несомненно даровитую, – довели её до утопленницы...»⁵. Д. Писарев поддержал поэта и, будучи редактором поэтического отдела «Русского слова», напечатал одно из самых вызывающих произведений этого цикла – поэму «Фрина» (Русское слово. 1862. № 2). А. Скабичевский, близкий к радикальным кругам начала 60-х гг. XIX в., писал, что «Испанские мотивы» «были тогда очень популярны среди многих читателей. В них чуялся поэт, стихи выливались из души». В самом же цикле В. Крестовский соединил эротические стихи с гражданственной, свободолюбивой лирикой и с антиклерикализмом [7: 46]. К сожалению, легенда об «эротизме» В. Крестовского, по замечанию В. Викторovichа, привела к тому, что его «фольклорные стилизации, гражданские, библейские стихи, романсы и песни (долго ещё певшиеся и утратившие в этом своём бытовании память об авторе) как-то сникли под влиянием сокрушительной легенды» [7: 47]. Он же отметил, что после выхода итогового сборника стихов В. Крестовского и его уничтожительной критики произошло «угасание его поэтического творчества» [9: 147].

В. Крестовский печатает в «Русском слове» критические статьи и рецензии о поэзии, фольклоре, педагогике, книгах для детского чтения. В них он выражает свои литературные общественные взгляды

ды. В рецензии на «Великорусские сказки» И.А. Худякова и «Сборник русских духовных стихов» В.Г. Варенцова, изданные в 1860 г., В. Крестовский поднял вопрос о важности изучения народа, но «чтоб изучить народ во всей полноте его свежих и нетронутых сил, надо сперва прикрепиться к его почве, вырасти, воспитаться на ней, сжиться с его понятиями и верованиями, – и тогда только можно узнать его, а это нелегко» [38: 526]. В статье «Стихотворения А.Н. Плещеева» он написал: «Поэзия должна служить жизни, а жизнь проявляется в бесчисленном множестве фактов и форм» [7: 45].

Поэт, прозаик и переводчик, критик, историк русской литературы П.В. Быков так описывал молодого поэта: «Красивый, франтовски одетый, с изящной тросточкой, в лаковых ботинках, он, хотя и хлыщеватый на вид, не производил неприятного впечатления, был добрый, ласковый, сердечный». И далее: «Молодой, экспансивный, большой аристократ в душе, франт, со стёклышком в глазу, мастерски его взбрасывающий, производил приятное впечатление своей добротой, незлобливостью, всегдашней готовностью помочь товарищу; не прочь он был пошкольничать, устроить какую-нибудь невозможную шалость. <...> Крестовский был настоящий поэт, мастерски владел стихом, мог в любое время сказать экспромт, но пренебрегал этим даром, не придавая ему никакого значения, не развивая его. Быстро загораясь при виде красивого уголка природы или смазливенького женского личика, под впечатлением переживаемого счастливого момента, Крестовский так же быстро набрасывал на первом попавшемся клочке бумаги стихи и нередко потом забывал о них» [5: 27]. Артистизм В. Крестовского (музицировал, пел, рисовал, имел успех как рассказчик и декламатор на литературных вечерах), общительность, весёлость способствовали росту его популярности в литературных салонах [9: 146] и вошедших в то время в моду публичных чтениях (наибольшей популярностью пользовались «Сан-Яго», «Полоса» и «Стон земли») [14: VII].

И.К. Маркузе, бывший стенограф В. Крестовского, также поделился впечатлением о писателе, с которым познакомился, когда тот пригласил его записывать под диктовку роман «Петербургские трущобы» с начала мая 1866 г.: «Всеволод Владимирович был малоречив, серьёзен и сдержан, не одушевлялся даже в кругу друзей; он прислушивался к тому, что говорили окружающие, сам же, если вступал в общую беседу, то лишь для того, чтобы бросить краткое замечание, выраженное сжато и просто. Покашливая нервным коротким кашлем, приобретённым скорее привычкой, чем вследствие какого-либо болезненного недостатка, играя не покидавшим его никогда моноклем, сидел он между собеседниками всегда внимательный ко всем, приветливый, но несообщительный. Таков он был

по природе, холодная сдержанность его не была рисовкой, и он не позировал ею, но она была заметна в нем даже в минуты весёлого настроения. Это свойство укоренилось в нем, быть может, с детства, проведённого им не в родной семье, в дали от неё, между чужими. Оно, впрочем, не имело ничего отталкивающего, не отчуждало его от общества и не заставляло уходить в самого себя. Напротив того, он любил общество, однако, в силу ли этой сдержанности, или вследствие, быть может, застенчивой скромности, стушевывался в нём. Богатая одарённость, живая впечатлительность и артистическая оживлённость его заставляли обращать на него внимание, выдвигали его иногда на первый план; но это происходило вопреки его намерению и претило ему. Так, например, он делался быстро в любом салоне тем, что называют “душою общества”, читал, рассказывал шутки, пел, но также быстро утрачивал это преимущество, так как легко уступал первенство другим. Несообщительный вообще, он не любил сплетню, не передавал другим ходячих пересуд, за что особенно ценился друзьями, знавшими, что могут на него полагаться, и что он никого не выдаст.

Всеволод Владимирович, был немного выше среднего роста, обладал красивым, чисто русским лицом, высоким лбом, правильными, резко очерченными носом и подбородком. Мягкие отброшенные назад волосы и шелковистая небольшая бородка обрамляли его голову, придавая ему вид моложавости; но серьёзные, почти суровые глаза его противоречили этому впечатлению, старили его лицо. Последнее казалось малоподвижным, неподдающимся оживлённой мышечной игре, на самом же деле Всеволод Владимирович владел мастерскою способностью изменять черты своего лица, почти до неузнаваемости.

Впервые я узнал об этом таланте Всеволода Владимировича, когда высказал однажды своё удивление по поводу его близкого знакомства с миром отверженных, сблизиться с которым для того, чтобы изучить его так, как изучил он, представлялось мне крайне трудным для интеллигентного человека, если ему не приходилось жить и дышать в одной атмосфере с этим миром.

– Не могу вообразить, какими средствами вы пользовались для того, чтобы проникнуть в эту грубую, кабацкую среду, – сказал я.

– А вот не угодно ли? – отозвался он неопределённо, при чем быстрым движением руки сбил и надвинул себе на лоб беспорядочную прядь волос, выпучил какие-то дико установившиеся на меня, ословевшие глаза и исказил непостижимым образом весь облик своего лица. Вслед за тем, он заговорил грубым и хриплым голосом и на воровском, языке, который знал в совершенстве.

Передо мною был один из трущобных типов, озверелый от пьянства и прилива дикой необузданности. С такую маской можно было

смело показаться в любом разбойничьем вертепе, не возбуждая подозрительности в среде завсегдатаев подобных логовищ. Удачное изображение Всеволодом Владимировичем некоторых героев “Петербургских трущоб”, например, Фомушки-блаженного и Макриды-странницы, памятно, вероятно, очень многим, как и замечательный по художественной концепции и верности колорита рассказа, последней о посещении ею святых мест. Рассказ этот не мог появиться в романе по цензурным условиям, но в интимном кругу своих знакомых Всеволод Владимирович копировал Макриду с разглагольствованиями довольно часто, при чем и голосом, и повадкой очень недурно представлял рассказчицу» [31: 985–986].

И. Маркузе отмечал, что В. Крестовский «обладал несомненным сценическим дарованием; не знаю, насколько это дарование соответствовало требованиям театральных подмостков, но читал он, действительно, превосходно и пел выразительно, с драматизмом, “со слезою”, как говорят. Правда, до оперных партий он, кажется, не был охотник, а предпочитал им романсы и, в особенности, простые народные песни; их он любил распевать и в обществе, и у себя дома, один наедине с самим собою, при чем недурно аккомпанировал сам себе на рояле. По вечерам, перед тем, чтобы приступить к диктовке романа, Всеволод Владимирович проводил, обыкновенно, по часу и более в темной гостиной за пианино. В программу этих домашних концертов входила всегда и неизменно песня его сочинения, кажется, им самим положенная и на музыку: “Огорода горожу”». Также он исполнял «романс Глинки “К ней!” (мазурка: “Когда в час весёлый откроешь ты губки”, слова М. Голицына), балладу Мея: “В поле широком железом копыта взрыто зелёное жито” (муз. Булахова), А.С. Пушкина “Воротился ночью мельник” (из “Сцены из рыцарских времён”), несколько малороссийских, польских, молдаванских и цыганских песен, две-три забубённых солдатских, воровскую “Ерши” (знакомую из его романа) и в заключение, неизменно и всегда – шумную, разудалую “Улане, улане”» [31: 986–987].

В 1860 г. Крестовский познакомился с семейством Сен-Лоран, глава и многие члены которого были военными. Это знакомство «развевало предубеждение Крестовского против военной среды, бывшей тогда настолько непопулярной в обществе, что даже славная Севастопольская оборона не переменила взглядов на военных. Общество, увлечённое либеральными идеями, желало видеть всех своими сторонниками, и поэтому среда, исключая возможность этого, подвергалась ostracismu». В. Крестовский тоже несочувственно относился к «военщине» и, только познакомившись с внутренним миром и взглядами представителей семейства Сен-Лоран, мало-помалу

стал менять своё мнение. В это же время Крестовский встречается с Варварой Дмитриевной Камелиной, дочерью актрисы Санкт-Петербургских Императорских театров Екатерины Васильевны Гриневой. «Красивая, живая, грациозная девушка, бывшая тогда тоже актрисой, сразу вскружила голову мечтательному юноше, и увлечение закончилось свадьбой, несмотря на молодость влюблённых: Крестовскому было тогда двадцать два года, невесте – двадцать лет» [14: VIII–XI]. В 1862 г. у них родилась дочь Мария (по мужу Картавцева), ставшая впоследствии известной романисткой.

В 1858 г. В. Крестовский становится свидетелем уличного происшествия, которое дало толчок к замыслу большого романа «Петербургские трущобы». Около 12 часов ночи, когда он возвращался от одного знакомого, его привлекли женские крики. Он стал свидетелем избиения полупьяной женщины. Толпа рядом смеялась, полицейский, стоявший недалеко, на углу, «пребывал в олимпийском спокойствии». Из двери полуподвального помещения выбежало несколько оборванных женщин и «общим своим криком, общими усилиями отравовали товарку». Для писателя это было «дико и ново», он зашёл в этот «гнилой безобразный приют», услышал плач и циничные ругательства этой женщины, которые она мешала с французскими словами и выражениями. Он задался вопросом, как эта женщина, которая имела лучшее прошлое, иную сферу, иную жизнь, дошла до такого состояния? Оказалось, что это был «один только лёгонький мотивец, один только уголок той громадной картины», о которой автор тогда не имел ни малейшего представления и «с которой познакомился поближе и покороче только впоследствии». Как «в самом центре промышленного, богатого и элегантного города, рядом с палатами и самодовольными физиономиями» может существовать эти «голод и холод, эта нищета разъедающая»? «Как доходят люди до такого позора, порока, разврата и преступления? Как они нисходят на степень животного, скота, до притупления всего человеческого, все, не только нравственных чувств, но даже иногда физических ощущений страданий и боли?» Автор принялся изучать эту жизнь и через несколько лет понял, что «трущобы кроются не исключительно возле Сенной (трущобный квартал около Сенной площади, названный “Вяземской лаврой” или “чревом Петербурга” просуществовал с конца XVIII в. до 1920-х гг. Возник на территории поместья князей Вяземских. – С.С.), что они весьма многообразны, и поэтому дал своему роману его настоящее название» [21: 1–2].

Написанию книги предшествовало изучение судебных архивов, домов бедноты (в частности, «Вяземской лавры») и воровских при-
тонов с помощью пристава К.К. Галахова и будущего начальника

петербургской сыскной полиции И.Д. Путилина [55: 370]. И. Путилин сопровождал его во время прогулок по трущобам, генерал-губернатор князь Суворов разрешил писателю посещение тюрем, больниц и других учреждений, дал предписание полиции содействовать, командировать в его распоряжение сыщиков, прокурор князь Хованский дал доступ во «все архивы старых судебных мест Санкт-Петербурга» [14: X]. Использованы были и некоторые известные современникам скандальные и криминальные факты и случаи из светской жизни. Роман публиковался в «Отечественных записках» в 1864–1866 гг. Отдельным изданием в четырёх томах вышел в 1867 г. Он стал одним из самых популярных литературных произведений в России второй половины XIX в. Этому способствовала реалистичность персонажей и сюжета, его авантюристичность, известность мест, в которых разворачивалось действие. Критика сразу причислила В. Крестовского к продолжателям Э. Сю. Сам автор в одной из первых глав называет «Лондонские тайны» А. Тrollope, финал истории Маши напоминает «Даму с камелиями» А. Дюма-сына [54: 370].

В. Крестовский писал в предисловии о целях своего произведения: «Если книга эта заставит читателя призадуматься о жизни и участи петербургского бедняка и отверженной партии – трущобной женщины; если в среде наших филантропов и в среде административной он возбудит хотя малейшее существенное внимание к изображённой мною жизни, я буду много вознаграждён сознанием того, что труд мой, кроме развлечения для читателя, принесёт ещё и частицу существенной пользы для той жалкой, темной среды...» [21: 3].

И. Маркузе в своих воспоминаниях указал, что писатель проживал в то время в доме Тура, на Большой Морской и занимал квартиру на пятом этаже флигеля, находящегося на втором (заднем) дворе. «Квартира была дорога и крайне тесна, и неудобна, она состояла всего из двух светлых показных комнат и третьей – тёмной, без окон; за это удовольствие взималось по 50 р. в месяц. А, между тем, в ту пору в Петербурге ещё не знали нынешнего квартирного кризиса!» Однажды он высказал писателю недоумение по этому поводу, сказав, что за такие деньги можно было найти квартиру лучше. В. Крестовский ответил, что ему нужно было поселиться именно здесь, в этом доме, где он занял свободную квартиру. Позже он выяснил причину. Писателю помогал в сборе сведений «о быте трущобных обывателей “Вяземской лавры” бывший квартальный надзиратель, после реформы петербургской полиции получивший должность пристава 3 участка Спасской части, подполковник Константин Кириллович Галатов». Ранее, до знакомства с В. Крестовским, К. Галатов был помощником квартального надзирателя 2 участка Адмиралтей-

ской части, к району которой принадлежала Б. Морская и дом Тура. Именно в этом доме находилось «учреждение той особы, которая в “Трущобах” выведена под именем баронессы фон-Шпилце. Деятельность этой женщины, по словам Галатова, Всеволод Владимирович, изучил отчасти по его рассказам о ней, но главным образом по личным наблюдениям, для чего, собственно, он и перебрался на жительство в этот дом, по соседству с интересовавшей романиста “волчьей норой”» [31: 983–985].

В романе приводится большое количество слов и выражений «воровского языка». Автор на страницах своего произведения высказывал желание после выхода романа издать исследование об этом и приложить его словарь. К сожалению, это не удалось выполнить. Следовательно, этот своеобразный язык остался известен только по его произведению. Сам автор писал, что «у воров и умошенников существует своего рода условный язык (argot), известный под именем “музыки” или “байкового языка”. Этот язык, между прочим, представляет много интереса и в филологическом отношении. В нем кроме необыкновенной образности и лаконической сжатости, отличительных качеств его, замете сильный наплыв слов, звучащих очевидно не славянскими звуками. Не говоря уже о звуках отчасти польских, отчасти малорусских, вы весьма часто слышите в “музыке” слова вполне восточного происхождения; иногда попадают налёты на корни романские и немецкие, хотя и не так часто, как татарские, финские или цыганские. Это смешение объясняется самым составом мошеннического сословия, служащего широким стоком для всех национальностей. Характер московского argot уже несколько разнится от петербургского: в нём менее, и даже совсем почти нет звуков нерусских и только одни татарские допускаются в него, и это точно так же зависит от того, что состава, жульнических

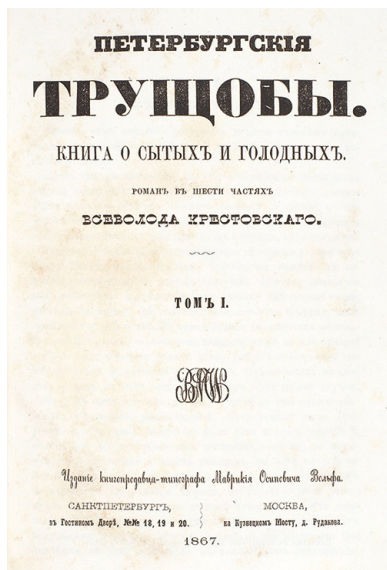
Всеволод Крестовский в 1860 г.
Источник: Крестовский В.В. Собрание сочинений Всеволода Владимировича Крестовского / с биогр. В.В. Крестовского и его портр., под ред. [и с предисл.] Ю.Л. Ельца. Т. 1. Петербургские трущобы. Ч. 1–4. СПб.: Издание товарищества «Общественная польза», 1899. [6], LVI, 345 с., 1 л. портр.

(мазурнических) обществ в Москве, более петербургская носит на себе характер почвенный, российский. Москва как будто везде и во всем старается проводить свои собственные, славяно-московские тенденции» (см. Собрание сочинений Всеволода Владимировича Крестовского. Т. 1 / под ред. Ю.Л. Ельца. СПб.: Издание товарищества «Общественная польза» [1898]. С. 18-19). В 1899 г. Н.А. Смирнов выпустил работу «Слова и выражения воровского языка, выбранные из романа Вс. Крестовского “Петербургские трущобы”», где выбрал «данные этого языка из вышеназванного романа, не вдаваясь пока ни в какие объяснения, за исключением тех, которые даёт сам автор» [44: 1].

Арготическая лексика произведения В. Крестовского до сих пор недостаточна изучена. В романе она используется как в авторских монологах, так и диалогах. Автор свободно употребляет арготизмы, что помогает правдиво показать жизнь обитателей трущоб.

Н.Н. Шарандина в своём исследовании разделила арготическую лексику в романе, которая реалистично передаёт речевое своеобразие «трущобного мира», на следующие части: аргю людей определённых профессий (барышники, извозчики и т.д.); аргю каторжных, ссыльных; аргю нищих; аргю проституток; местное аргю; аргю мошенников или байковый язык; тюремное аргю (мужское и женское); аргю запрещённых в России религиозных сект [56: 94–97].

Роман В. Крестовского, по выражению Глеба Успенского, читался «до затрёпа»: «Автор может быть счастлив, когда видит книгу свою совершенно затрёпанной. Это значит, что его читают очень многие» [37]. Он стал популярен не только в России. «Петербургские трущобы. Книга о сытых и голодных» были переведены в 1868 г. на немецкий, в 1895 г. – на финский, в 1907 г. – на английский (издан в сокращении в Нью-Йорке в 1907 г. в сборнике «Library of the World's Best Mystery

Титульный лист первого издания романа «Петербургские трущобы». Источники: Крестовский В.В. Петербургские трущобы. Книга о сытых и голодных. Роман в 6 ч. Ч. 1–4. СПб.; М.: Изд. Книгопродавца-типографа М.О. Вольфа, 1867. Т. 1. Ч. 1-2. [4], VIII, 435, II с.

and Detective Stories», переиздан в 1909 г.) языки. Во Франции под псевдонимом Иван Дофф (Ivan Doff) вышел роман-фельетон «Петербургские тайны. История сытых и голодных», в котором просматривается очевидное сходство с романом В. Крестовского. Роман печатался в 160 номерах (с 18 декабря 1877 г. по 13 июня 1878 г.) газеты «Le Petit Parisien», перепечатывался в еженедельнике «Le Petit roman-feuilleton» и в журнале «Cri du peuple». В 2013 г. роман И. Доффа издан отдельной книгой с предисловием [35: 112, 115–116].

Несмотря на литературную известность и множество публикаций, В. Крестовский был ограничен в средствах. Выплаты были небольшими. К примеру, за отдельное издание «Петербургских трущоб» книгоиздатель М.О. Вольф предложил всего 3 тыс. руб. при тираже 3 000 экз. [31: 1002]. Вот как вспоминал И. Маркузе об обеде в квартире В. Крестовского: «...все кругом говорило о бедности: комната, сервировка стола, медный шандал со свечою, скромные, хотя и вкусно приготовленные блюда обеда». «Ни большой успех романа, ни предшествовавшие труды Всеволода Владимировича, вышедшие в свет в 1862 г. в издании Стелловского, не обеспечивали его и не избавляли от нужды, с которою ему приходилось бороться в то время; связанный, стеснённый этою нуждою, он едва ли мог следовать влечениям и потребностям своей, в сущности, артистической и не лишённой некоторой причудливости натуры, своим эстетическим наклонностям, наконец» [31: 997–998].

Несмотря на стеснённые обстоятельства, В. Крестовский помогал родителям. Об этом И. Маркузе узнал от отца писателя, который рассказал, что он, как отставной офицер-улан, хотел бы, чтобы сын тоже стал уланом, и Всеволод Владимирович эти взгляды разделял. В тот же день И. Маркузе спросил В. Крестовского «в шутилом тоне», правда ли, что он намерен переменить перо на меч и стать в свои годы (28 лет) в ряды защитников отечества. В. Крестовский ответил, что после окончания романа поступит юнкером в уланский полк, т. к. это было семейной традицией [31: 998–999].

Тяжёлое материальное сыграло свою роль в разладе между супругами. Вышеупомянутый И. Маркузе был свидетелем семейных скандалов, устраиваемых Варварой Дмитриевной: «В эти минуты она металась по комнатам, рыдала, случались минуты, когда она, вся охваченная приливом горьких чувств, осыпала Всеволода Владимировича упрёками, укоряла его в бедности, в лени, в бросании денег на ветер, наконец, в измене. Всеволод Владимирович в этих случаях защищался слабо, почти не перебивал потоков обидных речей жены. Во время подобных “сцен”, невольным свидетелем которых

я бывал неоднократно, муж, как мне всегда казалось, держал себя вполне безупречно. Не только я никогда не слышал вульгарных ссор, взаимных попреков и грубых выходок с его стороны, но никогда не бывало также, чтобы он хотя бы словом или даже намёком жаловался кому-либо на жену. О своих семейных невзгодах он никогда ни с кем не говорил. В присутствии третьих лиц он держал себя по отношению к жене вполне ровно и почтительно, так что не подавал повода подозревать о существовании между ними разлада. Мне приходилось наблюдать также проявления вполне мирных, добрых отношений между супругами» [31: 997].

Польский мятеж 1863 г. (10 (22) января 1863 г. – 6 (18) июня 1864 г.) сыграл большую роль в переходе писателя в патриотический проправительственный лагерь и отказе от нигилистических воззрений. В 1862 г., до приостановки выхода журнала цензурой на 8 месяцев, Крестовский активно печатался в «Русском слове». Разрыв наступил лишь после разгромной статьи Д. Минаева в январском номере 1863 г. В первые месяцы 1863 г. В. Крестовский выступает на литературных вечерах с чтением самых «левых» своих стихов, ставших песнями, популярными в революционной среде («Стон земли», «Полоса», «Сан-Яго»). В феврале он заявил, что излечился от недавних своих «теоретических» увлечений и вернулся к «непосредственной жизни». Он становится фельетонистом в «Якоре» А. Григорьева. Здесь появляются первые антинигилистические выступления писателя, фельетоны «Заметки постороннего» против «Современника» и «Русского слова» (Якорь. 1863. 13 июля. № 19; 10 августа. № 23). Также, сотрудничая с сатирическими журналами «Заноза» и «Оса», он помещает в них стихи и карикатуры против своих недавних единомышленников [7: 54–55].

В. Крестовский принимает предложение одного из высокопоставленных лиц о командировке в охваченный восстанием край, в Варшаву. В 1865–1866 гг. он стал «членом-литератором» комиссии, учреждённой для исследования подземелий Варшавы. В. Крестовский свободно владел польским языком и хорошо – немецким [25: 6]. С женой в то время они хотя и не разъехались, но жили «на разных половинах, почти не видясь друг с другом». Это тоже оказало влияние на решение участвовать в работе комиссии. Работа комиссии заключалась в следующем: в варшавских катакомбах, подземельях проводились заседания «ржонды народной», сходки, совещания повстанцев, здесь была штаб-квартира польской террористической организации «Народная жандармерия» («жандармы-вешатели»), где собирались члены «Надвислянского легиона» и т.д. Задача комиссии была обнаружить и исследовать эти лабиринты. Здесь у него появилась идея написания большого романа о борьбе двух народностей:

русской и польской. Первый роман получил название «Две силы». Сначала, как и перед написанием «Петербургских трущоб», он стал публиковать маленькие очерки и рассказы. В отдельном издании он придал двум романам общее название «Кровавый пух. Хроника о новом смутном времени Государства Российского» (Т. 1–4. СПб., 1875). В диологию вошли романы «Панургово стадо» (Русский вестник. 1869. № 2–4, 6, 7, 10–12; отд. изд. – Т. 1–3, Лейпциг, 1870 (на рус. яз.), без ведома Крестовского) и «Две силы» (Русский вестник. 1874. № 1–4, 6, 9–12) [9: 148; 14: XVIII–XXI].

В первом романе он показывает участников революционного движения 60-х гг. XIX в. как марионеток в руках т. н. польской интриги, спровоцировавшей крестьян требовать «заправской» воли, а власти – применить силу. Во втором романе подавление польского мятежа показано, как исторически справедливая развязка многовековой борьбы двух антагонистических сил (подзаголовок призван уподобить революционное движение той поры смуте начала XVII в.). В своём произведении автор цитирует русские газеты, «Колокол», революционные прокламации, использует книгу В.Ф. Ратча «Сведения о польском мятеже 1863 г. в Северо-Западной России» (в 2 т. Вильно, 1867–1868) и т. д. Даёт описание исторических лиц [9: 148; 54: 371].

Как писал Ю. Елец, «цикл романов “Кровавый Пух” сделал то, что Всеволода Владимировича критики записали в ряды реакционных писателей, просмотрев в своём ослеплённом озлоблении, что у него в этих книгах столько смелых идей, каких не найдётся и у многих радикальных писателей» [14: XXIX].

Как отмечают современные исследователи, умение В. Крестовского точно воспроизводить эпоху, точно изображать события и лица привело к тому, что его «хроника» является новой жанровой разновидностью «историко-современного романа», дальнейшей эволюцией антинигилистического романа [11: 64].

На рубеже 60–70-х гг. XIX в. произошли два события, вызвавшие скандальный интерес к В. Крестовскому: поступление 28-летнего известного писателя унтер-офицером (юнкером) в 14-й Уланский Ямбургский полк 1 июня 1868 г., что возбудило «против него такое ожесточённое гонение в печати, как будто он сделал какой-либо противообщественный поступок», и скандальный судебный процесс [3: 356; 54: 371].

Ю. Елец, предполагая ещё одну причину поступления В. Крестовского на военную службу, считал, что «военная среда, с которой он сблизился в Варшаве, «привлекла его своей простотой, отсутствием интриг, сплетен, инсинуаций, жертвой которых Всеволод Владими-

рович был в течение нескольких лет. Его травили и в литературе, и в частной жизни». У него явилась потребность в круге людей, с которыми не нужно было изощряться в полемике, от которых можно было не ждать анонимных писем, которыми заваливали его в Петербурге. «В родной семье, которую он себе устроил, судьба ему отказала, она распалась, но явилась возможность создать другую – полковую». Здесь В. Крестовский, по его собственному признанию, нашёл «прочное убежище, мирное и тихое пристанище, в которое человек может уйти и спрятаться, как улитка в скорлупу» [14: XXIV]. Эта точка зрения не противоречит вышеприведённым словам И. Маркузе о причинах выбора В. Крестовским военной карьеры.

За год перед поступлением на военную службу В. Крестовский совершил путешествие по Волге, останавливаясь в разных городах для проведения литературно-музыкальных вечеров. Его сопровождали пианист Щуровский и чета Ящинских (жена пела, а муж играл на входившем в моду концертино). По результатам поездки В. Крестовский написал ряд статей о Нижнем Новгороде и злоупотреблениях на местных соляных промыслах. Город он назвал «Сольгородом», а местного полицмейстера Лаппа-Старженецкого – Загребистой лапой. Тот узнал себя в главном герое и подал на В. Крестовского в суд. Дело разбиралось в Санкт-Петербургском окружном суде. В то время писатель был уже юнкером. Защищал он себя сам, в свое речи «очень остроумно отделал полицмейстера» и добился оправдательного приговора [9: 148; 14: XXIII].

1 июня 1868 г. Всеволод Крестовский был определён юнкером (унтер-офицером из вольноопределяющихся) в 14-й Уланский им. Е.И.В. Великой княгини Марии Алексеевны полк. Командир полка полковник Офросимов и все офицеры радушно приняли В. Крестовского. Полк располагался в Гродненской губернии, штаб в Гродно, эскадроны в местечках. Крестовский попал в 3-й эскадрон майора А.А. Латынина, стоявший в Свислочи. Будучи ниже всех рангом, В. Крестовский серьёзно отнёсся к своему чину: мундиры его были пошиты из солдатского сукна без всего щегольства, не допускал фамильярные отношения к офицерам, строго соблюдал субординацию. Однако оставался «твёрдым и самостоятельным в своих убеждениях, не взирая ни на какое высокое положение кого бы то ни было». Во время пребывания в Свислоче В. Крестовский писал роман «Панургово стадо» [14: XXIV–XXV].

16 октября 1868 г. после экзамена в Тверском Кавалерийском юнкерском училище переименован в портупей-юнкера. 7 ноября 1869 г. стал корнетом, 16 октября 1871 г. – поручиком. 15 сентября 1871 г. по распоряжению начальства командирован в Санкт-Пе-

тербург для составления истории полка. Закончил её в 1873 г. и преподнёс свой труд в январе шефу полка, великой княгине Марии Александровне (впоследствии – герцогине Эдинбургской). 20 января 1874 г. высочайшим приказом за отличие по службе переведён в Лейб-гвардии Уланский Его Величества полк с тем же чином [20]. Генерал-инспектор кавалерии Великий князь Николай Николаевич (третий сын императора Николая I и Александры Фёдоровны), особенно ценивший талант В. Крестовского, устроил перевод его в резервный эскадрон этого полка, с прикомандированием к Штабу войск гвардии и Петербургского военного округа в качестве делопроизводителя комиссии по вопросу о преобразованиях в кавалерии, находившейся под председательством императора. По окончании деятельности этой комиссии В. Крестовский остался исполнять обязанности старшего адъютанта в управлении генерал-инспектора кавалерии. В феврале 1875 г. император предложил ему составить историю Лейб-гвардии Уланского полка. Александр III сам выступил цензором книги, читал историю в «корректирных листах и собственноручно делал на полях некоторые добавления». Эти листы В. Крестовский сохранил в своей библиотеке как «драгоценный экземпляр». Книга вышла в 1876 г. [3: 357; 14: XXXI; 42: 326].

В процессе работы над историей полков он собрал материал, который лёг в основу исторической повести времён Павла I «Деды» (1876), в которой он попытался «реабилитировать» Павла I, и в несколько «беллетристических очерков кавалерийской жизни». Также написал роман «Вне закона» (1872, по материалам нашумевшего в России уголовного процесса) [9: 148; 42: 326].

1 апреля 1875 г. в петербургском окружном суде рассматривалось дело о жене Крестовского Варваре и отставном подпоручике Г. Майкове (родственнике А.Н. Майкова), которых жена последнего Клеопатра Майкова (урождённая Крестовская, родная сестра В. Крестовского) обвинила в противозаконном сожителстве. Она подала жалобу в суд осенью 1874 г. Дело рассматривалось при закрытых дверях, но стало достаточно нашумевшим в петербургском обществе [8: 114–115; 47]. Защитником Варвары Крестовской выступил присяжный поверенный Н.М. Соколовский (автор ряда очерков на криминальную тематику, как и В. Крестовский, в своё время, сотрудничал с журналами «Время» и «Эпоха», т. е. они были ранее в одном либеральном лагере. – С.С.). Н. Соколовский в ходе процесса разбирал семейную жизнь Крестовских, пытался в негативном свете выставить В. Крестовского как мужа, семьянина, читал выдержки из его писем к жене, которые предоставила супруга, пытаясь показать, что В. Крестовский «был дурным мужем и так довёл жену до падения». Вместо защиты жены

Н. Соколовский построил свою речь на обвинении В. Крестовского, который никакого касательства к данному процессу не имел. Сам В. Крестовский на заседании суда не присутствовал. Жена В. Крестовского в своём заключительном слове голословно утверждала, что процесс был начат по инициативе её мужа, который не желал сам выступать обвинителем. Благодаря такой «защите» Н. Соколовского⁶, по его словам, жена Крестовского была оправдана. Слова защитника о том, что В. Крестовский, служа где-то в армии, «выплыл в гвардию и здесь стал фигурировать своею мундирною честью и сделался очень щекотлив и щепетилен в отношении своего гвардейского достоинства», передали ему мать, брат писателя гвардии штабс-ротмистр Леонид Крестовский и гвардии полковник Качалов, которые были на суде. Многие газеты в погоне за сенсацией стали вмешиваться в частную и семейную жизнь В. Крестовского [8: 114; 12: 455; 14: XXVII; 47–49].

«Дело» Крестовского имело шумное продолжение. 29 марта 1876 г. в Санкт-Петербургском военно-окружном суде рассматривалось дело поручика Крестовского, обвиняемого в оскорблении действием присяжного поверенного Соколовского. На примирительном разбирательстве стороны к согласию не пришли. Председательствовал полковник Величковский, обвинителем был прокурор Ахшарумов, интересы гражданского истца представлял присяжный поверенный В. Д. Спасович (известный русский адвокат польского происхождения, либерал. – С.С.), подсудимого защищал майор Терентьев (М.А. Терентьев – военный востоковед и историк, лингвист, юрист. – С.С.). Суть дела⁷ заключалась в том, что В. Крестовский, решив потребовать объяснений и письменного извинения⁸ у Н. Соколовского, 4 апреля утром приехал на его квартиру в сопровождении гвардии полковника Качалова и поручика лейб-гвардии кирасирского его величества полка Н. Неверова. Слуга Соколовского сказал, что барин дома и принимает. Войдя в приёмную, в которой находились несколько посетителей, через открытую дверь кабинета В. Крестовский увидел, что Н. Соколовский разговаривает с каким-то человеком и открыл дверь. Заметив их, Соколовский испугался и крикнул: «Я знаю зачем вы пришли, пойдите вон!» Затем он взялся за спинку стула, приняв оборонительную позу и закричал: «Караул! Дворника! Полицию!». Видя нежелание Соколовского разговаривать, оскорблённый таким приёмом В. Крестовский подошёл к нему и дал пощёчину. Соколовский бросился бежать, за ним ринулся В. Крестовский. Качалов и Неверов его удержали и вывели в приёмную. Через пятнадцать минут офицеры услышали голос Соколовского, который жаловался городовому, что к нему ворвались и учинили буйство какие-то два

офицера (хотя Соколовский в прошлом был знаком с Крестовским. – С.С.). В. Крестовский вошёл в кабинет представился и сказал, что никакого буйства не было. Он объяснил, что дал Соколовскому две пощёчины и кинул ему в лицо свёрнутые комком перчатки (вторая пощёчина. – С.С.). Саблю не вынимал. Затем он передал городовому свою визитную карточку, на которой полковник Качалов написал все их фамилии и адреса. После этого они покинули квартиру. Соколовский, когда полковник записывал адреса, сказал: «Не пишите, я с вами драться не буду!» Качалов ответил ему, что они не приехали вызывать его на дуэль⁹ [47].

Опрошенная на заседании суда свидетельница М. Крестовская, мать В. Крестовского, на заседании суда подтвердила, что слышала от присяжного поверенного оскорбительные слова на процессе о супружеской измене; кроме того, адвокат говорил, что В. Крестовский ездил в Варшаву, собирал сведения, чтобы потом громить поляков. Она же сказала, что её сын отказался от показаний при слушании дела, возбуждённого её дочерью против мужа, и это должно было «побудить адвоката быть несколько вежливее». Она удержалась тогда в суде, чтобы громко возразить Н. Соколовскому, о чём сейчас жалеет. Ибо тогда адвокат стал бы отпираться, и свидетели не говорили бы, что они не слышали его слов [50]. Мать писателя и его сестра Клеопатра показали, что сам В. Крестовский был против инициации дела против мужа сестры и его жены и ещё в 1873 г. отговаривал сестру от подачи жалобы, после возбуждения дела просил прекратить его, но Клеопатра не согласилась. Мать обвиняемого и его брат подтвердили, что в своей речи Н. Соколовский «унижал Крестовского как мужа, человека, литератора и офицера», о чём рассказали Всеволоду Крестовскому. Полковник Качалов подтвердил показания вышеперечисленных свидетелей и добавил, что «г. Соколовский не столько защищал свою клиентку, сколько глумился над её мужем; читанные же на суде выдержки из писем Крестовского к жене были такого свойства, что, взятые не в связи с целым письмом, клонились к осмеянию Крестовского, чем действительно и возбуждался в присутствующих смех, и что председательствующий раза три останавливал Соколовского, говоря ему, не довольно ли объяснять о г. Крестовском, но Соколовский не останавливался». Слова Соколовского, относящиеся к В. Крестовскому как военному служащему, полковник счёл необходимым передать ему. Соколовский и супруга В. Крестовского голословно утверждали, что инициатором судебного процесса выступил сам писатель [47]. В. Крестовский в свою очередь отметил, что «в течении целого года по городу распространялись разные сплетни и мерзости, в которых письмам этим придавался такой чудовищный характер...». Он упо-

мянул, что они с Соколовским принадлежат «к двум разным и даже враждебным партиям». Свидетелей он взял, чтобы они подтвердили, что Соколовский подпишет извинение добровольно [48].

Сам Н. Соколовский и свидетели с его стороны не подтверждали вышеизложенное и передавали иную версию произошедшего в суде и в доме Соколовского. В ходе слушаний дела майор Терентьев¹⁰ заявил о «политически-литературной» подкладке, «которая сквозит под этим делом». Развивать этот вопрос запретил председатель суда. Защитник коснулся оценки свидетельских показаний со стороны защиты, которые отличались «запамятованием», поставив под сомнение их правдивость. Он попросил суд признать подсудимого невиновным по всем обвинениям: «Не одни присутствующие, но вся наша армия поголовно ждёт приговора» [52]. Жена В. Крестовского на заседание не явилась, прислав свидетельство о болезни и письменные показания, которые суд решил не рассматривать [49].

Обращает на себя внимание отношение к собственной чести самого Н. Соколовского. Когда он увидел, что городовому передают карточку с адресами офицеров, то подумал, что это для вызова на дуэль. Он показал следующее: «Я отправился к одному из своих друзей и просил его собрать членов совета. В тот же день совет собрался, и я рассказал ему все обстоятельства дела и предложил на разрешение вопрос: должен ли я, как присяжный поверенный, потребовать от г. Крестовского известного удовлетворения или должен идти на суд. Члены корпорации разрешили этот вопрос в том смысле, что я не могу и не должен драться с Крестовским. Вследствие этого я заявил об этом деле начальству г. Крестовского» [48].

В заключительном слове В. Крестовский сказал, что он никогда не ударил бы Н. Соколовского, если он согласился на мирный исход дела и уехал бы от него без претензий, но тот встретил их словами: «Я говорить с вами не хочу, подите вон, я знаю, зачем вы приехали», и схватил стул. Далее он продолжил: «Какой бы приговор вы не вынесли, как бы строг он ни был, я приму его с полной покорностью, с полным уважением; но я в душе останусь глубоко убеждён, что я поступил так, как обязан был поступить, иначе я считал бы себя недостойным ни минуты продолжать далее носить эти эполеты. Я обязан защищать их честь, и буду защищать пока я жив. Что касается моих взглядов на честь мундира, на моё военное достоинство, то эти взгляды не составляют только моего личного убеждения; надеюсь их разделяет всё русское войско. Эти взгляды выработаны не нами, а переданы нам как святыня от наших боевых предков и более полутора столетия лет они живут как святыня в русской армии, как самая заветная её святыня» [52]. После слов подсудимо-

го в зале раздался «гром аплодисментов» (в зале присутствовал и Великий князь Николай Николаевич. – С.С.) [18: 284]. Приговором В.Крестовскому стал двухнедельный арест на гауптвахте без внесения нахождения под судом в послужной список [14: XXVIII].

15 июля 1876 г. состоялось заседание главного военного суда по кассационной жалобе В. Спасовича, защитника Н. Соколовского, состоящей из четырёх частей. Сам Спасович, а также В. Крестовский и его защитник на заседание не явились. Народу в зале было мало, до 20 человек, и то большинство были представителями военно-судебного ведомства. Хотя суд приготовил входные билеты, их продано было не более 14. Интерес к процессу со стороны публики упал. Жалоба была отвергнута. Приговор Санкт-Петербургского военно-окружного суда, определивший для В. Крестовского двухнедельный арест на гауптвахте, остался в силе [53].

Процесс широко комментировался в печати. В защиту В. Крестовского выступили только «Русский мир» и «Петербургская газета». Газета «Русский мир» (1876. 18 апреля. № 105) считала, что нападки на писателя содержат литературно-политическую подоплёку, вероятно, имея ввиду «антинигилистические» романы «Панургово стадо» (1869) и «Две силы» (1874). В большинстве своём пресса осуждала В. Крестовского (а в его лице офицерство и консервативное дворянство) за отстаивание особой, «корпоративной» чести, противопоставленной чести и нравственности (!? – С.С.) остального общества [8: 114; 12: 455–456].

Более определенно по этому вопросу позже высказался Ю. Елец:

«Может явиться вопрос, что же главным образом вооружило прессу против Всеволода Владимировича, как писателя. Причину этого надо искать во вражде двух лагерей, на которые раскололась тогда русская пишущая братия: либералов, многочисленных и властных, вследствие тогдашних веяний, и консерваторов – в числе которых занял место Крестовский. Стремления первого лагеря были не по душе Всеволоду Владимировичу, потому главным образом, что они были скорее космополитические, и истинные личные блага своего отечества приносились в жертву первым. Ни для кого не тайна, например, общее сочувствие и русской прессы, и общества к польскому народу в шестидесятых годах и его восстанию, как попытке отделиться от России, с надеждою поднять на неё Литву, Волынь, Подолию и Малороссию.

Думали ли наши либералы, в каком положении очутилась бы Россия и они сами, если бы эта попытка увенчалась успехом, знали ли они хоть немного Польшу, характер её народа, его отношение к духовенству, аристократии, шляхте, евреям – заветные стремления этих элементов. <...> Ознакомившись на месте с положением дел,

изучив права польского общества, он (В. Крестовский. – С.С.) должен был написать роман в консервативном духе, каким явился “Кровавый Пуф”, и правдиво и широко развернуть картину польской крамолы. Им руководило сложившееся у него и никогда не покидавшее убеждение, что Россия должна быть достоянием истинно русских по духу людей. Вследствие этого они подвергались остракизму и карались все те чужеродные растения, возросшие на почве государственной, которые к нему не испытывали никаких чувств и прикрывались мундиром или положением, для устройства дел своей народности или своих личных стремлений, поэтому-то Крестовского обвинили, что он *plus royaliste, que le roi* (более роялист, чем король. – С.С.). Но в самом деле, какими бы теперь показались русскому обществу явления, что, например, какая-нибудь губернаторша устраивала бы благотворительные концерты, деньги с которых шли бы на польскую справу, жандармский полковник с усердием расстреливал бы толпы крестьян без всякого серьёзного повода, русские гимназисты являлись бы орудием слуг в руках организаторов польского народного дела. Получилось странное в наше время явление. Горячая защита в цикле своих романов русского национального дела и вызвала против них главное раздражение прессы...» [14: XXVIII–XXIX].

В декабре 1876 г. по личному желанию императора В. Крестовский командирован в штаб действующей армии в качестве официального корреспондента «Правительственного Вестника». Произведён в штаб-ротмистры 30 августа 1877 г. Участвовал в Русско-турецкой войне и в нескольких боевых действиях¹¹, за что получил несколько орденов, в т. ч. и иностранных. Некоторое время под его редакцией выходила газета «Военно-летучий листок». Его корреспонденции печатались в «Правительственном вестнике», очерки – в журнале «Русский вестник». Письма в реакцию «Правительственного вестника» были изданы в двухтомнике «20 месяцев в действующей армии» (СПб., 1879). В награду за книгу был удостоен от императора бриллиантовым перстнем в 1879 г. [9: 148; 20; 42: 326–327].

В июле 1880 г. по желанию государя командирован секретарём при начальнике Тихоокеанской эскадры С.С. Лесовском для военно-сухопутных сношений и для ведения исторических записок о её плавании. Также был официальным корреспондентом «Правительственного Вестника» и «Морского сборника». Совершает путешествие из Неаполя во Владивосток, затем – в Нагасаки. Провёл полгода в Японии. Написал ряд очерков, печатавшихся в «Русском вестнике» под общим названием «В дальних водах и странах». Возвратился из командировки 7 октября 1881 г. Награждён орденом св. Анны 2-й степени [9: 148–149; 20; 42: 327; 54: 371].

С 28 марта 1882 г. – ротмистр. Назначен в распоряжение Туркестанского генерал-губернатора М.Г. Черняева с зачислением по армейской кавалерии и с переименованием в подполковники 27 июня 1882 г. Стал старшим чиновником особых поручений при туркестанском генерал-губернаторе. В этой должности много ездил по азиатским владениям, побывал в Бухаре и Хиве. Написал книгу «В гостях у эмира Бухарского» и ряд очерков, в т.ч. и о произведённых им раскопках в Самарканде, в урочище Афросиаб (древнее городище площадью более 200 га. – С.С.) в октябре–ноябре 1883 г. [9: 149; 20; 42: 327; 45: 541].

В 1882 г. он опубликовал в журнале «Исторический вестник» статью «Наша будущая война», а затем продолжение «По поводу одного острова (Гадания о будущем)» (под псевдонимом Е.В. Ларионов) – о возможном столкновении России с Германией. В последнем он также рассуждает о стратегическом значении для России о. Цусима и возможном столкновении с Китаем [22–23; 30].

В Туркестане В. Крестовский женился на 20-летней Евдокии Степановне (урожд. Петрова, в первом браке – Лагода) – дочери статского советника, вдове бывшего чиновника особых поручений при Туркестанском генерал-губернатора [14: XLIII].

После ухода М. Черняева с поста прибыл в Санкт-Петербург, где министр внутренних дел поручил ему несколько командиро-

Всеволод Крестовский в 1880 г.

Источник: Крестовский В.В. Собрание сочинений Всеволода Владимировича Крестовского. Т. 3. Кроватный пуф. Романы: 1) Панургово стадо и 2) Две силы; Очерки: 1) Пан Пшендовский и 2) Под каштами Саксонского сада. СПб.: Издание товарищества «Общественная польза», 1904.

[4], 622 с., 1 л. портр.

вок для исследования статистических данных и состояния крестьянского, земского и торгово-промышленного дела в Тверской, Тамбовской и Владимирской губерниях. На эту тему В. Крестовский написал ряд статей, опубликованных в различных журналах с 1884 по 1886 г. [1: 685; 9: 149; 14: XLIV; 42: 327].

С весны 1885 по 1892 г. писал передовые статьи «по политическим текущим вопросам», в основном по внешней политике, газету в «Свет» [1: 685; 9: 149; 14: XLIV; 42: 327]. В апреле 1887 г. был переведён штаб-офицером в пограничную стражу при департаменте таможенных сборов, где оставался до сентября 1892 г. Он проверяет бригады пограничной стражи. Произведён в полковники 24 апреля 1888 г. [14: XLVIII; 46: 367]. Пограничные объезды империи дали В. Крестовскому богатый литературный материал. Он написал ряд путевых очерков и записок («Вдоль австрийской границы», «Русский город под австрийской маркой», «По закавказской границе» и т. д.). Они печатались в «Русском вестнике» и «Московских ведомостях» [14: XLIX].

Он пишет трилогию с условным названием «Жид идёт!», посвящённую т. н. еврейскому вопросу: *Тьма Египетская* (Русский вестник. 1881¹². № 1, 2; 1888. № 1–5, 7, 10, 12; отдельное изд. СПб., 1889 г.), *Тамара Бендавид* (Русский вестник. 1889. № 2, 4, 6, 10, 12; 1890. № 1–7; отдельное изд. СПб., 1890) и *Торжество Ваала* (Русский вестник. 1891. № 5, 7–11), который до 1892 г. был доведён до 20 листов и не окончен [9: 149; 14: XLIV; 42: 327; 54: 371].

Известный русский литературный критик и историк литературы А. И. Введенский (1844–1909) считал, что «роман г. Крестовского „Тьма египетская“ имеет тенденцией показать значение еврейства в русской жизни и, так сказать, в самом себе. И автор берётся за дело с очевидно глубоким изучением еврейского характера и стремлений, по крайней мере, фанатических представителей племени. Перед нами семья Бендавидов, обрисованная художественными чертами и с присутствием серьёзного психологического анализа» [6: 751]. Далее он отметил, что «автор дал живую и яркую картину еврейской жизни, идей и стремлений. Но среде, в которой действует эта сплочённая и серьёзная сила, автор отводит печальную роль. Ничего непонимающие администраторы, продажные чиновники, наконец сам просветитель Тамары Бендавид, простой проходимец с графским титулом, только потому и хлопотавший об обращении её в христианство, чтобы воспользоваться её солидным состоянием – вот кто является на другой стороне, против еврейства, которое в сущности и распоряжается этими элементами, как хочет» [6: 753].

Сам В. Крестовский в письме к прокурору военно-окружного суда в Вильно А.В. Жаркевичу, который начал заниматься литературным трудом и обратился за советом к нему, отметил: «...чтобы написать “Кровавый Пуф” потребовалось не только теоретическое изучение польского вопроса по источникам, но и непосредственное соприкосновение с ним в самой жизни, что дала мне моя служба в Западном крае и Польше. Для “Дедов” пришлось по источникам изучать эпоху последние лет царствования Екатерины II и царствование императора Павла. Наконец, для последней моей трилогии “Жид идёт!” употреблено до десяти лет на изучение литературы данного вопроса, библии, талмуда и проч., не говоря уже о личном, практическом знакомстве с еврейским миром и бытом...» [14: XLVI].

Действие романа «Тьма Египетская» происходит в Малороссии, в губернском городе с вымышленным названием Украинск (скорее всего, подразумевается Каменец-Подольский). В третьей, неоконченной части романа «Торжество Ваала» содержится пророческое предостережение о том, что противники самодержавия меняют тактику, вместо «хождения в народ» они начинают «идти в правительство» [17: 77].

Один из героев, коллежский асессор, бывший учитель физики и математики в женской гимназии в Украинске, считавший, что нужна не конституция, а революция и «чёрный передел» и что вместо того, чтобы «ходить в народ», надо «идти в правительство»: «Коли надо для тех же целей “Боже Царя храни” петь, – пой, пой громче других и ори “восторженное ура” во всю глотку, ходи на все высокоторжественные молебны, на ефимоны, на всенощные, бей земные поклоны, если это надо, – выбивай лбом себе карьеру... Одним словом, помнишь, как у Тредияковского: “Держись черни, а знай штуку”. Вот в этом-то и вся сила, чтобы “штуку” знать! Определят тебя на место, – все равно куда: в полицию, положим, – будь Держимордой, но знай кому, когда и как дать зуботычину; в цензуру – преследуй “вольный дух” во всех поварских книжках, но знай, что пропустить “своим” между строками, а что прихлопнуть, особенно у этих, у “консервативных обличителей”; в синодальную контору посадят, – будь паче Асоченского и аввы Фотия, а по нашему ведомству – самого Магницкого превзойди, лишь бы только в тебя поверили, – понимаешь? – лишь бы поверили и успокоились, закрыли на тебя очеса свои, – и тогда ты победил, ты сила!» И далее: «И подумай-ка сам, если бы по всем-то ведомствам да сидело бы на верхах и под верхами хоть пятьдесят процентов “наших”, “своих”, – го-го, що бы воно було!.. Да мы бы, брат, в какой-нибудь один, другой десяток лет тишком-молчком так обработали бы исподволь и незаметно нашу матушку Федору великую, довели бы её до такого положения, что ей, як тий поповий кобыльци, а ни тпрру, ни

ну!.. Сама бы пошла на капитуляцию перед нами, и тогда мы – господа положения. Канцелярия!.. хм!.. Вот тоже дурни Бога нашего ругают там в газетах своих, да в журналах канцелярию, – канцеляризм, вишь, заедает нас и проч. Не-ет, голубе мий сизый, канцеляризм – великое дело, с нашей точки зрения, он нам за лучшего союзника, и с ним мы куда скорее придём к искомому результату!..» [28: 161, 455–456, 466–467].

Летом 1892 г. был вызван Варшавским генерал-губернатором И.В. Гурко (знавшим В. Крестовского со времён Русско-турецкой войны 1877–1878 гг.) для редактирования газеты «Варшавский дневник». Предложение вызвано, как писательской известностью, так и знанием В. Крестовским края. Зачислен в списки штаба Варшавского военного округа 3 октября 1892 г. Официально вступил в должность 7 октября, в день 35-летия своей литературной деятельности [14: L, LII; 20].

Ю. Елец считал, что, согласившись на эту должность, В. Крестовский сделал ошибку, которая «губительно сказалась на его здоровье и сократила его дни». Он объяснил это тем, что этот орган на наших западных окраинах был «представителем русской общественной мысли, долгое время находившегося под влиянием идей, враждебных нашему государственному единству». Кроме того, «Варшавский дневник» был изъят из ведения Варшавского цензурного комитета и его просматривал особый чиновник, ничего общего с литературой не имевший. «Все вышесказанное в соединении с постоянною травлею заграничной польской прессы – более и более подтачивало его здоровье и влияло па нервную систему, и результатом полуторогодового труда – явилась весною 1894 года болезнь печени и почек. Вследствие продолжавшихся неприятностей и сопряжённых с ними огорчений, болезнь эта стала развиваться очень быстро» [14: L–LIII].

Доктора хотели его послать на лечение в Италию. Однако в ноябре 1894 г. у него обнаружилась водянка. К общей слабости добавились сильные физические страдания. 10 января 1895 г. ему сделали операцию и «выпустили воду». Стало легче, но ненадолго. 12 января он впал в беспамятство, и «с этого дня началась его продолжительная шестидневная агония». Но до неё он успел в третий раз за время своей болезни исповедоваться и причаститься у своего духовника о. Татарова [14: LIII–LIV].

Умер В. Крестовский 18 (30) января 1895 г. На отпевание тела в православном соборе прибыли Варшавский генерал-губернатор граф П.А. Шувалов, некоторые официальные лица и небольшой круг знакомых и сотрудников газеты. Русские обыватели Варшавы отсутствовали. Военная процессия проводила гроб до Санкт-Петербургской железной дороги, откуда вдова покойного повезла его в Санкт-Пе-

тербург для погребения на Никольском кладбище Александро-Невской лавры¹³. В Петербурге гроб встречали друзья покойного Ф.Н. Берг, В.В. Комаров, В.Г. Авсеенко, К.К. Случевский, Н.Н. Любимов и др. Отпевание прошло в Исидоровской церкви Александро-Невской лавры. На похоронах присутствовала убитая горем восьмидесятилетняя мать писателя. По окончании службы молодой поэт А.А. Коринфский произнёс проникновенную речь: «Господа, мы все знаем, что хороним русского писателя, откликавшегося на все крупнейшие вопросы русской бытовой народной жизни. Но не все мы знаем, что мы хороним русского поэта, представителя чистой поэзии, проводника русского народного духа. В этом виновата та рознь, которая разделяет литературу наших дней и является виновницею вражды людей, связанных между собою общностью идей художественного единения. Всеволод Крестовский – явление крайне оригинальное для того, чтобы умолчать о нем представителю современной русской поэзии; поднимая свой скромный голос на могиле поэта, я желаю почтить его память, святую для каждого почитателя русской народной поэзии, и вот за неё, за русскую поэзию, земной поклон тебе, русский народный поэт!» [14: LIV–LV].

Как писал Ю. Елец: «Так началась, прошла и закончилась труженическая жизнь В.В. Крестовского и, обозревая её разнообразные стадии, невольно приходится вывести одно неутешительное заключение: не везёт у нас на Руси талантливым людям!» [14: LV].

После В. Крестовского остались его вдова Евдокия Степановна, пять малолетних детей и дочь от первого брака Мария¹⁴, в замужестве Картавцева, унаследовавшая писательский талант отца [14: LV; 59].

Разбирая более 4 тысяч писем к В. Крестовскому для составления его биографии, Ю. Елец обратил внимание, что более 3 тыс. заключали в себе «просьбы о деньгах, о доставлении мест или выражения благодарности за оказанные уже благодеяния». «Даже близкие, знавшие его доброту, люди, и те были поражены его благотворительностью, открывшейся после его кончины. Его щедростью и объясняется то обстоятельство, что, будучи на государственной службе при немалом содержании и сравнительно очень много зарабатывая литературным трудом, Крестовский часто нуждался в деньгах и умирая ничего не оставил жене и детям кроме почётного имени» [14: XLIX].

Ордена и знаки отличия В. Крестовского: Св. Владимира 3-й степени (9 апреля 1891 г.); Св. Владимира 4-й степени с мечами и бантом (22 августа 1879 г. – за отлично-усердную службу и труды во время минувшей войны с Турцией); Св. Анны 2-й степени; Св. Анны 3-й степени с мечами и бантом (6 ноября 1877 г. – за штурм крепости Плевны 26 и 31 августа); Св. Станислава 2-й степени с мечами (17 марта

1878 г. – за взятие Трояновского перевала 23 и 26 декабря 1877 г.). Иностранные: Черногорский князя Даниила I 3-й степени (12 июня 1880 г.); Сербский Таковского креста 4-й степени; Румынский орден *Traceria Dunarii* (крест «За переход через Дунай». – С.С.) (1878); Японский Восходящего солнца 4-й степени (7 июня 1881 г.). Медали: светло-бронзовая в память войны 1877–1878 гг., гражданская за усмирении польского мятежа 1863–1864 гг. Знаки: за гражданское устройство Болгарии и Красного Креста [20].

После смерти писателя обвинили в плагиате. При жизни подобных обвинений ему никто не выдвигал, ни современники, ни Н.Г. Помяловский, ни близкие к последнему люди. Даже либерально-демократическая печать, не простившая «предательство» В. Крестовского и постоянно обличавшая его, никогда не поднимала вопрос об авторстве «Петербургских трущоб». Авторство В. Крестовского было бесспорным и для Ф.М. Достоевского, и Н.С. Лескова [7: 49]. Газета «Сын Отечества» (1895. № 27) сразу же после смерти писателя опубликовала анонимную заметку, в которой было выдвинуто предположение, что «Петербургские трущобы» были написаны другим человеком – Помяловским или Решетниковым», подвергая сомнению авторство Решетникова: «...умер в 1871 году, роман же печатался в “Отечественных Записках” с 1864 по 1867 г. и в том же 1867 г. вышел отдельным изданием. Невозможно и предположить, чтобы кто-нибудь воспользовался произведением Решетникова при жизни автора. Кроме того, с Петербургом Решетников едва ли был знаком до 1864 г.». Анонимный автор придерживается авторства Н. Помяловского, выдвигая следующие аргументы: Н. Помяловский умер в октябре 1863 г., до публикации «Трущоб», родился и жил в Санкт-Петербурге, «предавался самому мрачному, беспробудному запою», шатался «по разным вертепам, пьянствуя в обществе всяких отщепенцев», «невольно знакомился с “трущобной жизнью” и её типичными представителями», «собирался писать роман из этой трущобной жизни». Но вместо его романа появился роман В. Крестовского. Сам В. Крестовский до «Петербургских трущоб» напечатал множество стихотворений и повести. «Обладая талантом далеко не первоклассным, Вс.Вл. Крестовский часто повторялся, часто варьировал одни и те-же темы, пересочиняя одни и те-же типы. Не возвращался он только к типам, положениям и обстановке одного своего романа, именно “Петербургских трущоб”». И далее: «Представить, чтобы сочинитель средней руки раз навсегда забыл о вещи, наиболее удачной, доставившей ему наибольший успех, – очень трудно». Заметка была перепечатана в февральском номере журнала «Северный вестник» за 1895 г. [29]. На это обвинение ответили

родственники, друзья и знакомые В. Крестовского, разоблачив эти домыслы [7: 48]. В «Новом времени» выступили С. Шубинский, М. Шевляков, Ф. Берг, В. Азанчевский, в «Петербургской газете» – Н. Лесков и М. Микешин [7: 57]. Свидетельства¹⁵ С. Шубинского, М. Шевлякова и Ф. Берга также приведены в «Северном вестнике» [58]. Однако через 18 лет, когда свидетелей, способных опровергнуть клевету, не осталось появилась статья А. Измайлова «Быль, а не легенда» (1913. № 246. 25 октября), в которой автором были приведены дополнительно свидетельства близких родственников Помяловского и свои «филологические соображения». Третейский суд, состоявшийся по инициативе сына В. Крестовского Владимира и его бывшего стенографа И. Маркузе, признал недостаточность оснований для выводов Измайлова [7: 48–49]. В 1959 г. версию плагиата пытался безуспешно озвучить М.М. Орлов, перенеся позже обвинения в адрес В. Крестовского в докторскую диссертацию «Разыскания в области словарного состава сочинений Н.Г. Помяловского», защищённую в 1974 г. [7: 48, 57].

Биографические сведения о В. Крестовском и его трудах размещены в его автобиографии [41: 21, 326–328], многочисленных биобиблиографических заметках (см., напр., [2; 9; 18; 19; 33; 54]), некрологах (см., напр., [1; 3; 13]), воспоминаниях о нём (см., напр., [5; 14; 30; 37]), статьях В.А. Викторовича [7; 8], Я.О. Гудзовой [11], С.В. Шарифуллиной

Всеволод Владимірович
КРЕСТОВСКИЙ.

Въ 1894 году.

Всеволод Крестовский в 1894 г.
Источник: Крестовский В.В. Собрание сочинений Всеволода Владимировича Крестовского / под ред. Ю.Л. Ельца. Т. 7. 1) В гостях у эмира Бухарского; 2) Вдоль закавказской границы; 3) Вдоль австрийской границы; 4) Русский город под австрийской маркой; 5) Новый путь в Центральную Азию; 6) По поводу толков о путях к Босфору; 7) Русская церковь на Японском море; 8) Ловкий и сильный удар англичан по России; 9) Синто и Буккёю; 10) Посьет, Суйфун и Ольга; 11) Беловежская пуща; 12) Очерки кампании 1829 года в Европейской Турции; 13) Тамбовские дворянские выборы; 14) Непокойный дом; 15) Степное гнездо; 16) Мезонин в Ревякиной улице; 17) Змеиный дед; 18) Вне закона. СПб.: Издание товарищества «Общественная польза», 1905. [4], 724 с., 1 л. портр.

[57] (она же в 2003 г. защитила диссертацию на соискание учёной степени кандидата филологических наук «Проза В. В. Крестовского в контексте антиинигилистической беллетристики 60-80-х годов XIX века»), М. Быкова [4], предисловиях к его произведениям (см., напр., [43]) и др.

О сложных взаимоотношениях Ф. М. Достоевского с В. Крестовским см. работу В. А. Викторovichа «Достоевский и Вс. Крестовский» [8]. Как отметил автор, «и Достоевский, и Крестовский в переломную ситуацию 60-х гг. как будто бы сделали общий выбор и как будто бы оказались по одну сторону баррикад. Но, странное дело, это не только не сблизило их по сравнению с тем временем, когда Крестовский щеголял своим радикализмом, но, напротив, распались сложившиеся тогда дружеские связи» [8: 112]. Также об отношении Ф. Достоевского к В. Крестовскому см. работу Р. Г. Назирова [34]. К сожалению, на негативное отношение Ф. Достоевского к В. Крестовскому повлияла распространяемая недругами последнего несоответствующая действительности информация [12: 67, 189–190, 195].

В 1898–1905 гг. под редакцией Ю. Ельца вышло «Собрание сочинений Всеволода Владимировича Крестовского» в восьми томах. В него не вошли истории полков (лейб-гвардии уланского Его Величества и 14-го уланского Ямбургского), статьи о земстве и торгово-промышленных центрах России, передовые и другие статьи в разных газетах и журналах, которые, как считал редактор, имели «временный, давно прошедший интерес». В редакционной статье было сказано: «С кончиною Всеволода Владимировича Крестовского угас крупный, сильный и самобытный талант, всецело посвящённый на служение горячо любимой родине – России. В лице Крестовского она лишилась не только писателя, но и бойца за её величие и славу, одного из доблестнейших своих сынов – гражданина в лучшем смысле этого слова. Несмотря на упорное систематическое замалчивание таланта его критикой, три поколения русских грамотных людей ознакомились с его произведениями, цена которых в будущем будет все более и более возрастать, и в истории возвышения самосознания нашего общества его творения займут одно из почётных мест» [39].

Как упоминалось выше, в настоящее время, особенно после выхода сериала «Петербургские тайны», возрос интерес к литературно-публицистическому наследию В. Крестовского. Вышло несколько десятков переизданий его «Петербургских трущоб», вновь увидели свет и другие его произведения, многие из которых не утратили актуальности и сегодня.

Можно согласиться с мнением М. Быкова, что судьба Всеволода Крестовского заслуживает того, чтобы на неё обратили внимание кинематографисты [4: 60].

В ряде своих статей В. Крестовский поднимает тему русского населения (русинов) Австро-Венгрии. Во время службы в пограничной страже (1887–1892 гг.), инспектируя бригады пограничной стражи, В. Крестовский собрал обширный материал. Результатом стали очерки, посвящённые вопросу укрепления национальных окраин. Некоторые из них («Вдоль австрийской границы (Путевые заметки)», «Русский город под австрийской маркой», «Православная церковь на Буковине», «Под австрияка или под прусса») затрагивают русинскую тематику.

В очерке «Вдоль австрийской границы (Путевые заметки)» (Собрание сочинений Всеволода Владимировича Крестовского. Т. 7) автор рассказывает о встречах с уроженцами Галичины и русских жителей (русинах) севера Бессарабии (к сожалению, в «Собрании сочинений» не указан год и источник публикации). Материал был написан раньше очерка «Русский город под австрийской маркой». – С.С.) [24].

В июле 1889 г. В. Крестовский посетил ряд приграничных населённых пунктов Волынской, Подольской и Бессарабской губерний. Он отметил, что «закордонное почвенное население (имеется ввиду Буковины и Галичины. – С.С.), это все такие же русские мужики, как и наши, населяющие Волынскую и Подольскую губернии. Никаких, не только резких, но и детальных различий между теми и другими не замечается. Говорят они все по-русски, украинским наречием, исповедуют православную веру, а которые и числятся официальным образом униатами, те, по большей части, не сознают этого, а считают в простоте сердечной, что они “русской веры” и сами себя называют *русаками* или *руснаками* (здесь, как и далее, выделено самим В. Крестовским. – С.С.), но названия русин или рутен для них совершенно чужды, и таковых вы никогда тут не услышите. К России они льнут всей душой, и эта симпатия носит у них какой-то стихийный характер. Когда в начале нынешнего года (имеется ввиду 1889 г. – С.С.), отношения между Россией и Австрией обострились, вся местная интеллигенция, то есть поляки, немцы и жидаы, заметно приуныла: вся она очень боится войны с Россией, не имея ни малейшей веры в стойкость венского правительства и в особенности в стойкость австрийской армии¹⁶. Зато крестьяне сильно приободрились. Никто из них, равно как и вся названная приграничная интеллигенция, не сомневается в исходе возможной войны: и друзья, и недруги наши единодушно убеждены, что австрияку с русскими не справиться и что Галичина с Буковиной, рано ли поздно ли, будут взяты Россией, граница коей передвинется на Карпаты» [24: 292].

Он обратил внимание, что закордонные крестьяне, приходя в Россию «с большим участием и интересом расспрашивают, что делается “у нас” в Москве и в Киеве? Иначе они и не выражаются, как “у нас”, в

России; и царя называют “нашим”, т. е. *своим* царём. Когда же им при этом напоминают, что наш царь, не их, что у них есть свой цесарь в Вене, они, ухмыляясь, отвечают, что это так только *пока*, до времени, а что истинный царь их сидит в России, в Москве. Замечательно, что про Петербург никто из них никогда не поминает, как точно бы они и не знают о его существовании; но Киев и Москву знают решительно все и считают последнюю своею истинною столицей. Когда в одно из пограничных селений приезжал в прошлом году Каменецкий епископ освящать новую церковь, из-за кордона привалило на торжество освящения тысяч пять разодетого по-праздничному народа. В виду такого наплыва, администрация наша разрешила на сей день свободный пропуск в село, до пределов его околицы, и когда некоторых из этих гостей спрашивали, зачем они пришли, те объясняли, что пришли-де посмотреть на “нашего” архиерея и послушать своего богослужения во всем его великолепии, какого “у нас”, за кордоном, не бывает, потому что цесарь-де не нашей веры и ему все равно, сияет она или пропадает. – “Вот, говорили они, – кабы был у нас свой царь “с Москвы”, были бы и у нас такие хорошие церкви» [24: 292–293].

Рассказал он об одном случае: этой весной к одному из пограничных чиновников приехал закордонный крестьянин и попросил его снабдить «пропускным свидетельством до Москвы». На вопрос «зачем?», ответил, что хочет повидать царя. «Хочу пасть ему в ноги та сказать що вже годи! (довольно!) Чого вин соби думає?! Чого не вызволяє нас спод австрияка?! Хіба-ж мы ему не такие хрестьяны, як и свои?.. Годи вже, кажу! Во нам вже млóстно так мыкаться... Жид одолив, пан одолив, посессоры, жандары, нэмци... тай Боже ж мой Господи!.. И ни скуда ни якої защиты!» Далее старик заявил, что ещё деды ждали, что царь из Москвы даст приказ «приписать их к России» [24: 293].

Приводит В. Крестовский и ещё примеры, чтобы показать настроения русского населения Галичины и Буковины, и их отношение к России. В одном из приграничных местечек в базарный праздничный день встречаются закордонный священник с русским офицером. «Встретились они в доме у местного священника, за закуской, познакомились и разговорились. Улучив минуту, закордонный гость отводит офицера к окну и спрашивает его несколько пониженным и многозначительным тоном: – “Ну, что, когда же к нам наконец?.. Скоро ли”? Офицер вначале даже не совсем понял этот вопрос и, относя его к самому себе, сказал, что скоро ли – не знает, так как быть границей не имеет пока надобности. – Э, да я не о вас собственно, – возразил священник, – я разумею вас вообще, т. е. русских... Скоро ли русские-то к нам пожалуют? Тот одно только и мог ответить, что это более всего зависит от самих австрийцев, доведут нас до войны, так

пойдём, а сами зачинать её, кажись, не намерены. – Господи Боже мой! – укоризненно покачал головою священник. – Ужели-ж опять ждать приходится?.. Да доколе-ж, наконец?!.. Деды ждали – не дождались, батьки ждали – не дождались... Ужели-ж и мы не дождёмся?.. И удивительное, право, это дело! – развёл он руками. – Берете вы себе разные Ахал-Теке, берете Мервы всякие, чуть не всю Среднюю Азию покоряете, а тут вдруг под боком у вас коренная русская земля, наследие святого Владимира, Русь Червлена, дедина ваша, и вы оставляете её истлевать под чужеземцем... Зачем?.. Ну, подумайте, зачем это?.. Ведь не хорошо... право же, не хорошо... Немцы, и те на вас удивляются! В этом несколько наивном и добродушном упреке слышится, однако же, крик наболевшей души. Это упрек, посылаемый нам всею *почвенною* Галицкою Русью, на которую давно уже со всех сторон напирает атака враждебных сил, где работают и свои хохломаны, и поляки, и немцы, и жидаы, и мадьяры...» [24: 293].

В этом же очерке В. Крестовский описывает население Севера Бессарабии, которую тоже посетил по служебным делам. «Грунтовая дорога, на протяжении около пятидесяти вёрст, направляясь на юго-запад, служит основанием треугольника, левая сторона которого, от Новоселицы до села Онут, составляет нашу сухопутную границу с австрийскою Буковиной, а правая, вдоль по течению Днестра, отделяет нас от Галичины. Пространство, заключающееся в этом треугольнике, составляет северо-западную часть Хотинского уезда и известно под именем Русской Буковины» [24: 296].

Говоря о сельском населении уезда, он отметил, что оно «почти исключительно русское (руснаки). Молдаване встречаются несколько южнее, и то вперемешку с русскими, причём поселения этих последних проникают местами в центр страны, то есть в уезды Бельцовской (прежний Ясский), Оргеевский и часть Кишинёвского и спускаются вниз по среднему течению Днестра и Прута. Существует предположение, что часть этих руснаков составляет даже племя аборигенов (коренных обитателей) северной половины Бессарабии. Предположение это основывается не только на молдавском предании, которое говорит, что первый молдавский князь, Драгош, уже застал руснаков в стране, когда в 1354 г. основал в ней княжество Молдаванское), но и на свидетельстве Нестора Летописца. Славяне, населявшие Бессарабию, были известны в его время под местными именами тиверцев и уличей»¹⁷ [24: 298].

Автор, излагая историю коренного русского населения Бессарабии, напомнил, что «к концу XII века вся Бессарабия принадлежала ко княжеству Галицкому. Остомышл Ярослав, который “подпёр горы угорские своими железными полки” и “заступил королеви (венгерскому) путь,

затворив Дунаю ворота”, этот Ярослав Галичский “суды ряде до Дуная”, и только после смерти его, в 1187 году, нашествие половцев, а затем монголов отторгли Бессарабию от Галичского княжества» [24: 299].

Кроме руснаков-аборигенов в Бессарабии проживают потомки переселенцев «того же южно-русского племени». Они были переселены в Бессарабию молдавским князем Лукою (1662–1672) (в тексте опечатка, правильно – Георгием Дукой, который правил Молдавией в 1665–1666, 1668–1672, 1678–1683 гг. – С.С.), который был признан гетманом Украйны (назначен султаном гетманом Украйны в 1681–1684 гг. – С.С.). Ещё одна часть перешла из Украйны и Волыни, спасаясь от унии, в конце XVI и начале XVII вв. «Все эти руснаки всецело сохранили как свой славянский тип, так и православную веру, и язык, и обычаи» [24: 299].

В. Крестовский считал, что «в пользу глубокой древности руснакского населения в этих местах, как мне кажется, говорит и самый костюм его, весьма схожий, если не прямо тождественный, с костюмом скифов, каким мы знаем его по изображениям на некоторых древних греческих вазах, медалях и барельефах. Мужчины носят остроконечную баранью шапку, напоминающую по форме такую же среднеазиатскую шапку хивинцев, туркмен, горных таджиков и афганцев, только несколько меньших размеров, летом же они по большей части заменяют её соломенным *брилем*, широкополой шляпой домашнего плетения, вроде испанского *sombrero*. Длинная холщевая рубаха на выпуск, с раскрытым воротом, который в случае надобности стягивается красною тесёмчатой *стричкой* (ленточкой); длинные, по щиколотку, порты, широкий кожаный, либо шерстяной зелёный пояс и, наконец, *постолы* (род сандалий из воловьей шкуры) для зимнего и ненастного времени, когда надевается поверх рубахи ещё грубая суконная *свита с каптуром* (род башлыка) или бараний кожих – таковы принадлежности мужского костюма. Летом же, как мужчины, так и женщины всех возрастов ходят босиком, и разве только придя к богослужению в церковь, по праздникам, надевают в ограде принесённые с собою в руках *чоботы* и *черевики*. Женщины носят белую сорочку с узорчато вышитыми гарусом грудью и наплечниками, *плахту* – род юбки, состоящей из куска полосатой (по большей части тёмных цветов) шерстяной материи домашнего изделия, обёртываемой вокруг бёдер и перетянутой в талии шерстяным цветным поясом; белую головную повязку со спущенным на спину концом и, как необходимое украшение, коралловые мониста, надетые на шею, с которой они спускаются довольно низко на грудь. Способ их причёски я не мог заметить, так как ни в хате, ни вне дома решительно не видел ни одной женщины без головной повязки. Что

же до мужской причёски, то она очень характерна: волосы с темени и висков счёсываются наперед и ровно подстригаются поперёк лба, от уха до уха, в виде чёлки, а с задней половины головы пускаются до плеч кудрями или длинною, ровно подстриженною снизу гривкой. Эта гривка опять-таки очень напоминает мне характернейшую часть причёски персов, таджиков и афганцев, равно как и причёску греческих изображений древних скифов. Думается мне, что все это преемственно сохранилось ещё от времён скифских» [24: 298–299].

Присутствие «до нашего времени руснакских аборигенов» на территории Бессарабии, считал автор, «значительно умаляет степень основательности притязаний на неё со стороны нынешних румынских интеллигентов, которые, опираясь именно на римское происхождение бессарабских обитателей, ставят даже вопрос о своём союзничестве или вражде с Россией в будущей европейской войне в зависимость от того, захотим ли мы им наперёд добровольно возвратить всю Бессарабию» [24: 299].

Во время службы в пограничной страже В. Крестовский несколько лет подряд каждое лето приезжал в местечко Новоселица Хотинского уезда Бессарабской губернии, на границе с Австрией. Ему давно хотелось побывать в соседней Буковине, чтобы увидеть Черновцы, «древний не поуниаченный центр православия в Австрии, с его замечательной митрополией и, кстати, посмотреть, как живётся там русскому народу». Побывав там, он написал материал, основанный на своих «личных впечатлениях» и на сведениях, добытых им «из расспросов и разговоров с людьми, знакомыми с положением края». Поэтому, уточнил автор, он не смеет «претендовать на безусловную точность сообщаемых мною данных и ещё менее на непогрешимость своих выводов и заключений. Описываю лишь то, что я видел и слышал, и так, как оно мне представлялось» [25: 89–90]. Поездка состоялась 25 июля 1890 г. По итогам поездки вышел большой очерк «Русский город под австрийской маркой» («Русский вестник». 1891. Т. 212. Январь. С. 89–126; Т. 213. Март. С. 3–32; Т. 214. Июнь. С. 248–270) и продолжение «Православная церковь в Буковине» (продолжение статей «Русский город в Австрии») («Русский вестник». 1891. Т. 217. Ноябрь. С. 104–123).

По пути в Черновцы автор заметил, что характер местности здесь не отличается от северной части Хотинского уезда, т. н. Русской Буковины: те же пологие холмы, составляющие предгорье Карпат и покрытые частью пашней, частью – лесами. Лесная растительность состояла в основном из бука, откуда край и получил своё название. Обратил В. Крестовский внимание и на то, что австрийские леса оберегаются лучше наших [25: 91].

По его наблюдениям, «характер буковинских селений и внешний вид крестьянских построек тоже ничем не отличаются от наших: такие же все, начисто выбеленные, малорусские хаты под соломенными кровлями, такие же клуны и стодолы, и длинные “журавли” над колодцами, так что ни на внешности этих построек, ни на их внутреннем устройстве и обстановке ничуть не заметно какого-либо цивилизаторского влияния швабских культуртрегеров. Хаты не теснятся в сплошную улицу, как великорусские избы, а стоят себе в разброс, кому как удобнее, среди своих дворов, садов, левад и огородов, обнесённых деревянными плетнями, из-за которых свешиваются на улицу густые, длиннохвостые побеги колючего “язвина”, называемого также и “берёзой”, и служащего здесь, как и на всем нашем Юге, наилучшим растением для живых изгородей. При каждой хате непременно есть свой цветничок, из которого выглядывают за плетень высокие разноцветные мальвы, бархатцы и душистая мята; есть и свой огород, наполненный, кроме всякого овоща, пёстрыми маками и пышными подсолнухами; есть непременно и свой фруктовый садик, где растут груши, яблоки, грецкий орех, черешня, абрикос и черная слива, причём последняя преобладает над остальными родами фруктовых деревьев, так как производство вяленого и сушёного чернослива составляет одну из главнейших и наиболее доходных статей местной сельской промышленности. В этих же садах нередко ютятся под деревьями небольшие пасеки, колод в пять, шесть, иногда до десятка» [25: 92–93].

Он отметил, что «сельские жители австрийской Буковины тоже ничем не отличаются от наших буковинцев и подольцев: тот же малорусский тип и тот же костюм, как у мужчин, так и у женщин. Мужчины, по большей части, бреют бороды, но оставляют усы, и носят подстриженные чёлки, а сзади длинные волосы, спускающиеся из-за ушей кудрями на плечи и затылок. Белые холщевые порты широкой кройки и такая же рубаша по колена, застёгнутая красною шерстяною ленточкой-завязкой (по местному “стёжкой”) и подпоясанная широким кожаным поясом, так называемым “чéресом”, а на голове “бриль”, – домодельная соломенная шляпа с широкими полями, – таков их летний рабочий костюм, к которому в праздничные дни добавляются смазные “чоботы” и серая, либо коричневая, суконная “свитка” или “гуня”, с перехватом в талии; зимою же – овчинный кожаный и барашковая шапка. У женщин – белая, более тонкая сорочка по щиколотку, с узорчато-цветными прошивками на плечах, и шерстяная полосатая плахта, обёрнутая вокруг бёдер и подпоясанная широким шерстяным шарфом красного, синего или зелёного цвета; на шее непременно большой серебряный крест почеевского или киевского изделия, и

несколько ниток бус и “коралек”, в виде ожерелья; на голове белая “намитка”, которою служит длинное полотенце. Один конец намитки подгибается спереди, в роде итальянской фаты, и приспускается на лоб, как козырёк, прикрывая лицо и темя от солнечных лучей; другой же конец, обернувшись раз вокруг головы, как повязка, кокетливо спускается с затылка на плечо и слегка обматывает шею, небрежно драпируясь вокруг неё складками. В праздники к этому костюму точно также добавляются чоботы и перехваченная в талии свитка, которая, в отличие от мужской, бывает иногда белого цвета и простёгивается по швам узенькою вышивкой из разноцветной шерсти» [25: 94–95].

По пути встретил автор в селениях «несколько мужичков совершенно великорусского типа, как по костюму, так и по говору». Это были липоване, русские выходцы-староверы. Они занимались «разными мастерствами и мелким торгашеством в разнос. Они по преимуществу здешние плотники, печники, кладчики, столяры и коробейники. В стороне где-то раздавались даже звуки русской гармоники». По характеру местности, по внешнему виду селений, «по типу жителей, и по всему их обиходу» участникам поездки казалось, что они ещё в России, а не за кордоном, что «это одна и та же страна, один и тот же родной нам народ, та же вера, тот же язык и обычай, та же песня, – все, решительно все то же, и все своё, родное, так что порою даже странно как-то становится: да неужели, мол, и в самом деле это Австрия?!» [25: 95–96].

При въезде в Черновцы В. Крестовского и его спутников удивила «надпись черным по белому на овальной жестяной доске, обозначающая название улицы» на русском языке на углу крайнего дома: «Улица Русская». Названия здешних улиц на всех углах и перекрёстках писались на трёх языках: немецком, русском и румынском, а вывески на правительственных учреждениях, торговых и иных заведениях – только на немецком. На улицах слышалась южнорусская речь, причём на ней говорили не только крестьяне, но и большинство мещан. Все сразу признавали в В. Крестовском и его знакомых закардонных русских, встречали с улыбками и русскими приветствиями «здравствуйте» или «Бог помочь!» [25: 110–111].

В. Крестовский приводит краткие сведения об истории края, опираясь на материалы русских летописей, «Слово о полку Игореве», труды Н.М. Карамзина, Ю.И. Венелина, Н.И. Надеждина, С.М. Соловьёва: эта земля «была русскою ещё на заре нашей исторической жизни. Древняя Паннония, а нынешняя Венгрия, называемая местными русскими жителями Угорщиною (т. е. страну, у гор лежащую), во время пришествия мадьяр была заселена славянами. По обе стороны

Карпатских гор, на их северных и южных склонах, где ныне живут угороруссы, обитали в VIII и IX веках славяне, называвшиеся белыми хорватами, которые входили в государственный состав нашей древней Руси ещё при Олеге. Нестор пишет: “и живаху в мире поляне (т. е. жители полей приднепровских, в нынешней Киевской губернии) и хорваты”. Тот же летописец говорит, что когда Олег “иде на греки”, то он взял с собою, в своё войско, “множество варяг и словен... и хорваты”» [25: 96].

Писатель выдвинул предположение, что название «хорваты» произошло от гор, служивших местом их поселения. Возможно допустить, что «хорваты» есть не что иное, как изменённое *горваты* или *горбаты*, т. е. горцы, на горбах (хребтах) живущие. Фонетические изменения сочувственных между собой согласных букв, по мнению В. Крестовского, составляют одну из особенностей древнеславянского языка и всех языков, произошедших из этого корня. Очень часто звук *б* переходит в *в* и наоборот, звук *х* изменяется в *г* или *к* и обратно. Отсюда же, считал автор, самое слово «Карпаты» есть изменённое *горбаты*, т. е. горы, хребты [25: 96–97].

Затем большой наплыв русских в Угорщину и Буковину последовал из Молдавии, которая, по свидетельству Нестора, была населена русским племенем тиверцев и угличан, живших по Днестру до самого моря и Дуная и вошедших в состав Русского государства при Игоре, по взятии Свенельдом главного их города Пересечина. «Известный наш славист Ю. Венелин говорит, что при нашествии татар, большая часть этих русских жителей Молдавии бежала в Карпатские и Трансильванские горы и что часть потомков этой Тиверской и Углицкой Руси и доселе существует в самой гористой части Буковины и Станиславовского округа в Галиции, а также в Мараморошском и Угочевском жупанствах в Венгрии, где они известны под именем Мараморошской Руси» [25: 97].

«Буковинцы, как и угро-руссы, вместе с народами Червонной Руси, Подолии и Бессарабии, считают своим духовным просветителем нашего св. князя Владимира Равноапостольного и заключают это из того, что пока в Мукачеве не была основана отдельная епископия, до тех пор священников к угро-руссам ставил епископ перемышльский, и, стало быть, они были подведомственны епископии перемышльской, основанной если не самим князем Владимиром Святým, то несомненно одним из русских перемышльских князей во второй половине XI века. <...>. С тех пор православие в Угорщине и Буковине, прошло через множество испытаний, но осталось непоколебимо во всей своей чистоте и до нашего времени. В XII веке не только Буковина, но и вся Бессарабия с Молдавией, входила в состав сильного Галицкого княжества, где князья Владимирко, Ярослав и Роман твёрдо охраняли

Российское государство на его юго-западных пределах и держали в страхе венгров. <...> земли эти, без малого пять веков входившие в состав Русского государства, подпадают польскому господству, сначала в лице Болеслава, князя Мазовского, а с 1340 года – в лице Казимира, давшего галичанам обещание не теснить их православной веры. Но вскоре затем, а именно между 1350 и 1354 годами, Бессарабия отошла к образовавшемуся в это время независимому господарству Молдавскому, где, однако, язык наш до самого XVII века (1636 г.) оставался не только церковным, но и судебным, как свидетельствуют то подлинные грамоты молдавских господарей. Буковина же составила впоследствии часть Седмиградской области (Трансильвании. – С.С.); но в 1482 году была завоёвана молдавским князем Стефаном V, а в 1529 году покорена, вместе с Молдавией, турками, под которыми и оставалась до 1774 года, когда по Кучук-Кайнарджийскому миру она отошла к Австрии и, в 1786 году, под названием Черновицкого округа, была соединена с Галицией. Ныне же Буковина составляет отдельную область (Герцогство Буковина. – С.С.), пространством в 190 квадратных миль, с 513 000 душ населения, в числе коего первое место занимают русские (41 %), затем румыны (38 %), евреи (9,5 %), немцы (8 %) и немного поляков, мадьяр, армян и чехов» [25: 96–98]. Католическо-польский элемент играет здесь второстепенную роль, т.к. поляков во всей Буковине только 18 000, тогда как русских – более 240 000 [25: 111].

В. Крестовский отметил, что несмотря на то, что все народы в Австрии пользуются на основании конституции равноправием, «под эту наружную маску “австрийской свободы” и “легальности” совершается целый ряд самых разнообразных и утончённых уловок, обманов, подлогов и даже насилий, жертвою коих является преимущественно русская народность» [25: 112]. В регулярно проводимых переписях цифрами доказывается уменьшение лиц православного вероисповедания, числа русского населения, а количество католического населения растёт как в Галичине, так и в Буковине. Он упоминает, что при проведении десять лет назад переписи «были пущены в ход всевозможные средства, даже насильственное вписывание людей русской народности в польскую или румынскую, чтоб увеличить численность этих последних. В Буковине противники русского народа стараются ввести в этот народ название “волошская церковь”, “волошская вера” вместо “православная вера” и “русская церковь”, убеждая тёмных крестьян, что это-де всё равно, так как и они, и румыны исповедуют одну и ту же веру, а русская вера – это собственно там, за кордоном, в России, а потому-де, если вы добрые подданные своему цесарю, то вам неприлично и даже небезопасно

показывать себя людьми “русской веры”; показывайте лучше, что вы “волошской”, и сбитый с толку крестьянин соглашается с таким доводом: Дóбре, паночку! Як так, дак так, пишить волошской! И таким-то образом десятки тысяч русских людей очутились в цифре польского и румынского населения, сами того не подозревая» [25: 112–113].

Происходит это из-за страха «перед фантомом “панруссизма”, и убеждение, что как ни назови здешнего русака, – русином, или рутеном, как ни уверяй его, что он – нечто совершенно особое от “российского народа”, а он, знай себе, все туда, все за кордон смотрит и оттуда чаёт для себя какого-то спасения. Короче сказать, здесь русскому населению не доверяют и потому стараются так или иначе разрушить его». Что не удалось сделать здешним «культуртрегерам» и полонизаторам, делает так т. н. «интеллигенция». К примеру, профессор здешнего университета Томашук. В Вене он изображает из себя немца-либерала, в черновицкой городской думе – румына, в местечке Садогоры, перед русскими выборщиками-крестьянами выдаёт себя за русского, за что его прозвали хамелеоном [25: 113]. Второй такой пример: молодой «учёный», и тоже профессор университета, Смаль-Стоцкий, «по происхождению также русский и даже воспитанник львовской ставропигийской семинарии, который не устыдился официальным образом выступить с предложением о замене в русском языке кириллицы латинским алфавитом». Третий – «священник Свято-Юрского прихода, о. Иоанн Филипповский, который всегда и говорит, и пишет, и даже на официальных документах подписывается по-польски, а только печать прикладывает с русскою подписью» [25: 114].

К сожалению, это не единичные исключения, «уроды в своей семье». Буковинская, как и галицкая, «интеллигенция» разделилась на два враждебных лагеря. «Один из них остаётся верен старым отеческим заветам и твёрдо держится на обще-русской народной почве, а другой, – так называемая “украинская партия”, вроде наших “хохломанов”, с нигилистическою развязностью отвергает все эти старые заветы и принципы, проповедует тождество польской и “русинской” (лишь бы только не *русской*!) народности, всячески отрещивается от ненавистной России, отрицает даже племенную связь с её народом и всеми симпатиями своими тянет на Запад, к “культурным формам” социальной и политической жизни. Вот из этой-то партии наиболее практические и ловкие люди и приспособляют себя – одни к польщизне, другие к официальной австрийщине, и даже на вопрос о том, какой они национальности, иные из них не стесняются отрицать и эту последнюю, а так-таки прямо и заявляют, что мы-де австрияки и только! Это, как видите, уже и не отщепенство, а просто окончательное нравственное разложение» [25: 114].

Автор пытается объяснить причины этого. Первая – «в «доброавстрийских» воздействиях самого правительства, которое систематически старается приманивать к себе священников раздачею наиболее доходных приходов тем из них, кто выказывает наиболее податливости административным внушениям. И это мера очень ловкая, так как доселе никакие «интеллигенты» и «профессора» не имеют, да и не могут иметь бóльшего влияния на простолюдинов, чем священники, состоящие в непосредственном общении с народом и пользующиеся его доверием». Затем с целью воспитания «интеллигенции» в «доброавстрийском» духе в Черновцы перевели университет из Ольмюца. С тех пор в Буковине стали вводить немецкие порядки, немецкие школы, «ферейны» (общества, союзы. – С.С.) и акционерные общества, которые поддерживались центральным правительством. Стараясь германизировать по одному и тому же шаблону русских, румын, поляков, правительство не останавливается перед материальными затратами и выдвигает полезных для себя деятелей из местных уроженцев, не переставая поддерживать немногочисленное здесь немецкое население. Здесь существуют и пангерманские организации, даже пруссофильский ферейн «Arminia». И австрийское правительство, ставшее чуть ли не вассалом Германской империи, покровительствует данному обществу [25: 114–116].

Вторая причина «нравственного разложения известной части здешней русской «интеллигенции», это её собственная рыхлость и «либеральная» распушенность, увы! слишком хорошо знакомая и нам по нашим собственным примерам. Нигилистические и социалистские наносы, к несчастью, не минули и Буковины, только здесь они кристаллизовались в более узкую форму украинофильства, но форму, до такой степени беспочвенную и отвлечённую, что она не останавливается даже пред отрицанием собственной народности и её истории, лишь бы только ассимилировать себя с польщишной, как с более «культурною» силой. Как у нас в своё время работали чернышевщина и писаревщина, так и тут, но только несколько позднее нашего, нашли себе ретивых адептов в полуобразованной среде разные кулишовщины, драгомановщины и т. п. Это явление совершенно аналогично с нашим и, как у нас, так и здесь, объясняется оно именно тою полуобразованностью так называемого «интеллигентного слоя», которая хуже всякого невежества, потому что не способна ни к самостоятельному мышлению, ни к здоровой оценке чужого мнения, а напротив, склонна к совершенно холопскому преклонению пред каждую либерально-яркую и хлётскую фразой, пред каждым радикально забористым выкрутасом, сколь бы ни были они сами по себе вздорны и нелепы. И замечательно, что здешние «украинофилы» или

“народовцы”, совершенно, так же, как и наши “народники”, оторвавшись от истинно народной почвы и даже разучившись понимать свой народ, воображают себе, что именно они-то и есть самый “народ”, самая соль его, что они-то и призваны преобразовать его и повернуть на новую дорогу всю его историю, весь склад его тысячелетней жизни, быта, верований и упований. Эти радикальные благодетели тоже, подобно немцам, желали бы “разрушить” здешнего русака и предпочитают лучше ополячить его, чем позволить ему оставаться самим собою. С этой целью они издают в Черновцах свои газеты “Народ” и “Народная воля”, и австрийское правительство, столь усердно штрафующее, конфискующее и воспреещающее славянские газеты неугодного ему направления, не препятствует украинофилам вести их пропаганду, несмотря на весь её радикализм, лишь бы только они подтачивали и сбивали с толку в русском народе его национальное самосознание. К несчастью, в Черновцах нет русского органа иного направления, который подобно “Червонной Руси” энергично вёл бы борьбу с этими зловредными тенденциями. Есть здесь, правда, ещё третья русская газета, “Буковина”, но и та как-то вихляется в разные стороны, и, хотя порою обмолвится здравым и честно мыслящим словом, но зато в другой раз ляпнет такое, что лишь хоть бы самой “Народной воле” в пору» [25: 116–117].

Третья причина – «это отсутствие надлежащей народной школы, что является опять-таки продуктом австрийской правительственной системы. В русские сельские школы назначаются учителя или малознающие русский язык, или вовсе незнающие, и крестьянские дети, хочешь не хочешь, должны применяться к пониманию учителя-немца. А чтобы и сельские священники не могли доброхотно заменять подобных учителей в преподавании детям русской грамоты, правительство назначает в русские приходы священников румынской национальности, которые, не понимая языка и не зная исторических судеб галицко-русского народа, не могут иметь с ним никакого нравственного и умственного общения, не говоря уж о том, чтобы поддерживать в нем национальное самосознание. В средних и высших учебных заведениях господствует та же самая система. Газета “Буковина” недавно ещё с грустью указывала, что высшие и средние учебные заведения в Буковине учреждены только для евреев, немцев и румын; русские же обставлены так, что изучение своего родного языка для них почти недоступно, и потому газета считает юношей, окончивших курс в буковинском училище, потерянными для русской народности» [25: 117].

Автор приводит учебную статистику за 1889 г., опубликованную в буковинских газетах. В Черновицкой гимназии числилось 652 ученика: 370 немцев, 109 румын, 87 поляков, 82 русских, 3 чеха, 1 мадьяр.

Такое большое количество немцев, при численности немецкого населения в Буковине 42 000 чел. (8 %), В. Крестовский объяснил тем, что в число немцев было включено 304 еврея [25: 122–123].

Упомянул автор и о «самостийной» программе «господ Романчука, Сечинского и К°, которые мыслят своё национально-политическое бытие и развитие только под Австрией и вместе с Австрией, в единении с польщиной, на почве верности Риму и Вене и на полном отчуждении от русского народа, да ещё грозят нам, в случае войны, перетянуть в свой лагерь всю нашу Украину, Малороссию и весь юг, до Чёрного моря, уповая, что этот «двадцати пяти-миллионный народ» с радостью пойдёт вслед за ними под австрияка и будет наилучшим буфером между европейской цивилизацией и нашим восточно-православным варварством! Жизнь, однако, свидетельствует совершенно противное этим мертворождённым вождениям Романчуков и Сечинских...» [25: 28–29].

Во время пребывания в Черновцах В. Крестовский со своими сослуживцами посетил Буковинскую православную митрополию. В статье он дал краткую историю православия в Буковине¹⁸: «Буковинская Русь, как и Русь Угорская, и Русь Червлёная, приняла святое крещение вместе с Русью Киевскою и Новгородскою, от князя “всея Руси” Владимира Святого, как часть, входившая в состав его государства. Выше я говорил уже, что буковинцы, вместе с угроруссами, галичанами и народами Подолии и Бессарабии (тиверцами и угличанами), считают своим духовным просветителем именно этого Равноапостольного князя. <...> Отчленённая в XIV веке от общего своего племенного отечества, Буковина попадает из-под кратковременного польского владычества под власть единоверных ей господарей Молдавии, которые, вместе со всем своим народом, молились на том же церковно-славянском языке, и таким образом, духовное общение и нравственные связи её с православной Россией не прекращались, несмотря на разность их дальнейших исторических судеб. Если Молдо-Влахия с Буковиной попала впоследствии под владычество турок, то и в этом, надо сознаться, не было худа без добра. Не касаясь религии покорённых народов и не стирая их национальных красок, турецкое владычество, уже одним тем, что оно простирало свою, в то время мощную, руку на эти страны, помогло им уберечься от напора римского католицизма с его унией, жертвою коей стала вся западная Русь, под владычеством Польши.

Со времени распада самостоятельного княжества Галицкого (1336) церковные дела Буковины были подведены архиепископу охридскому (в Болгарии), который соединял в своей власти управление церквями болгарскою и молдавскою. Но с 1402 года Буковина подчиняется уже, в церковном отношении, митрополии Сочавской,

учреждённой незадолго до того князем Молдавии Александром Добрым, сумевшим добыть молдавской церкви независимость от охридской митрополии и сделать её самостоятельной, а затем, с 1630 года – митрополии ясской, на том основании, что архиепископское управление в означенном году было перенесено из Сочавы в Яссы. Буковинская епархия была основана тоже в 1402 году тем же князем Александром Добрым, современником нашего московского великого князя Василия Дмитриевича, сына Донского, и первоначально епископская кафедра для буковинских архиереев была учреждена в местечке Радовце, почему они и начали с того времени титуловаться епископами радовецкими, сохранив этот титул даже по перенесении кафедры в 1781 году из Радовца в Черновцы» [25: 249–250].

Автор напоминает, что «нравственные связи между буковинско-молдавской и российской церквями поддерживались прежде всего единым, общим для них, церковно-славянским языком, который в те времена был в Молдавии языком не только церковным, но и государственным, как свидетельствуют юридические и дипломатические акты, и даже разговорным языком высшего общества и всех образованных людей». Как замечает В. Крестовский в ссылке, «возрождение между румынами их отечественного языка началось лишь в половине XVII века... на Ясском соборе 1642 года» [25: 250]. Он также отметил, что «духовные лица буковино-молдавской церкви занимали иногда влиятельные места в церкви российской, и наоборот». Он упоминает Григория Цамблака, Петра Могила, митрополита Досифея, Паисия Величковского [25: 251].

После Кючук-Кайнарджийского мира Австрия, не воевавшая с турками, предъявила притязания на смежную со своими владениями часть Молдавии. Османская Порта, не желая вступать в новую войну, согласилась в 1775 г. на эту уступку, отдав Буковину. Вместе с радовецкой, исконно русской, епископией Австрии отошла некоторая часть руманской и хушской епископий, которые стали подчиняться епископу радовецкому. В 1783 г. австрийское правительство подчинило её митрополии Карловацкой, которая по распоряжению правительства распространяла свою власть на всех православных подданных Австрии. После разделения Австрии на цис- и транслейтанскую половины румыны последней, населяющие Венгрию и Семиградию, были в 1869 г. отделены в церковном отношении от карловацкого митрополита. Для них была образована чисто румынская митрополия, состоявшая из трёх епархий: германштадтской, арадской и карансебешской. В подчинении карловацкого митрополита остались исключительно славянские епархии: будимская и новосадская в Венгрии, темешварская и вершецкая в Банате, пакрацкая в Славонии и

карлштадтская в Кроации, т.е. населенные славянскими племенами Транслейтании. Затем правительство изъяло из подчинения карловацкой митрополии всё православное население цислейтанской части и образовало в начале 1873 г. Буковинскую митрополию, подчинив ей две долматинские епархии (задорскую и боко-каторскую). Первым митрополитом буковинским был назначен черновицкий епископ Евгений Гакман, по происхождению русский, из местных уроженцев. Он умер раньше своего поставления. На его место был возведён консисторский архимандрит Феофил Бенделла, родом грек, скончавшийся в 1875 г. Затем – Феокист Блажевич, русский, управлявший митрополией всего четыре года. «С 1880 г. митрополичью кафедру занял Сильвестр Морар, которому теперь 72 года, сын сельского священника Андрея Морара» [25: 252–254].

После вхождения Буковины в состав Австрии в крае было 186 приходов и 28 монастырей, в том числе 4 женских, которые владели 260 поместьями. Кроме того, 7 поместий составляли достояние радовецкого архиерейского дома. Все эти приходы, монастыри, их имения и угодья очутились, как и вся новоприсоединённая область, в ведении высшего военного совета Гофкригсрата (Hofkriegsrath). Он разработал проект коренной реформы буковинского духовенства и его быта. Военные генералы сочинили «Духовный регламент» (Anordnung zur Regulierung des Geistlichen, Kirchen und. Schulwesen in der Bukowina), утверждённый императором Иосифом II 26 апреля 1786 г. Этот регламент так нигде и не был напечатан, лишь доведён до руководства буковинской администрации и духовного начальства. Регламент, в главных своих положениях, послужил основанием устройства православной церкви в Буковине [25: 254–255].

По регламенту были изъяты «монастырские и вообще духовные, движимые и недвижимые, имения, равно как и все наличные денежные суммы, из непосредственного пользования их прямых собственников – монастырей, приходов и других духовных учреждений. Из всего этого достояния был образован правительством один общий епархиальный или, по местному названию, “религиозный” фонд (Religionsfond), доходы с которого должны были обращаться исключительно на нужды Церкви, духовенства и училищ. Самый же фонд и право распоряжения оным по собственному усмотрению, правительство взяло в свои руки; точно также управление имениями этого фонда, а равно определение чиновников и лиц (вот это-то главное!) на должности по ближайшему и непосредственному заведыванию сими имениями оно предоставляло, как и ныне предоставляет, исключительно самому себе. Таким образом, те из 267 поместий, которые оказались вне пределов Австрийской империи, правительство рас-

порядилось продать, с обращением вырученных из продажи денег в основной капитал епархиального фонда; поместья же, оставшиеся в Буковине, приняло в своё управление» [25: 255].

Были упразднены иноческие обители, носившие названия монастырей и скитов и существовавшие по триста и более лет, за исключением трёх мужских монастырей: Путны, Сочавицы и Драгомирны. Им было разрешено существовать, с условием, чтобы в каждом было монашествующей братии не более 25 чел., считая игумена и викария. «Правительство воспретило трём пощаждённым им монастырям, под страхом строгого наказания, занятия торговлей (даже душеспасительными книжками, образками, крестиками и т. п.), виноделием (допущенным однако в монастырях католических), скотоводством, огородничеством, земледелием и т. п., предварив, что всякая их сделка по сим предметам признается законом недействительною (§ 33, 39), равно как и приобретение какого бы то ни было имущества покупкой, дарением, по духовным завещаниям и всякими вообще, установленными в законе, способами для приобретения имуществ (§ 34). В этом воспрещении подразумеваются не одни только земельные и вообще недвижимо-имущественные приобретения – нет, тут хвачено гораздо шире: “какие бы то ни было” и каким бы то ни было способом доставшиеся. Стало быть, под такое эластическое определение можно подвести что угодно: церковные вещи, утварь, облачения и т. д., словом, все, что ни пожелал бы доброхотный датель пожертвовать в пользу той или другой обители. На основании этого закона, дар царя Феодора Алексеевича, например, не мог бы быть принят никаким буковинским монастырём, императрица Екатерина II не имела бы права жертвовать капитал на постройку той или другой буковинской обители или дарить им колокола, а если бы и пожелала, то желание её было бы дипломатическим образом отклонено ссылкой на существующий закон. Если же император Александр I и позволил себе, конечно по неведению этого закона, пожертвовать на Хоречьскую церковь (ныне церковь Свято-Рождества Богородицы мужского монастыря Гореча. – С.С.) несколько сотен червонцев, то деньги эти, без ведома августейшего жертвователя, на основании того же закона (§ 34), были немедленно препровождены настоятелем церкви в “Landesregierung” (правительству края. – С.С.), для приобщения их к “Religionsfond’y”. Монашествующим лицам воспрещалась проповедническая, научная и педагогическая деятельность, которая, в свою очередь, поощрялась тем же австрийским правительствам в католических монастырях. Боязнью роста симпатий к единоверной и единокровной России, ожиданием от неё помощи автор объясняет и недопущение «дарового русского хлеба в голодающую Галичину» в прошлом году [25: 255–257].

По сравнению с 1786 г., когда в Буковине было 186 приходов, утверждённых «Духовным регламентом», в 1870 г. их уже было 239 (вместе с четырьмя городскими черновицкими), прихожан было 383 727 душ, при них должно было состоять 235 приходских священников и 65 викарных. То есть в среднем 1 632 чел. на один сельский приход. В 1786 г. на один приход было 730 прихожан при численности православного населения не более 136 225 душ [25: 263–264].

В. Крестовский заметил, что, несмотря на то, что русское население Буковины в крае преобладало (41 %, румын – 38 %), «Духовный регламент» это с самого начала игнорировал, включив в штат консисторской канцелярии канцеляристов, владеющих немецким и молдавским языками, что было вызвано политической тенденцией. Так как русский язык официально не признавался, приходилось прибегать к услугам вольнонаёмных писцов. Автор напомнил, что покойный епископ Евгений, «правя епархией тридцать восемь лет сряду, говорил поучения и писал окружные послания к русской части своей паствы не иначе, как только по-русски». Он приводит, чтобы иметь «понятие о церковно-литературном языке русских буковинцев», в качестве примера отрывок из «Окружного писания» покойного Евгения «к честному нашея епархии духовенству» от 1 (13) мая 1868 г., напечатанного в № 7 «Епархиального Листка», издаваемого буковинской консисторией. В этом послании владыка обличает «разные слабости и нравственные недостатки своих священников, как-то: невоздержание, курение табака, беспорядочное и нерадивое ведение приходских актов, пренебрежение к своему родному языку и православному юлианскому календарю, нерадение о молитвах и службах церковных, любостяжание, стремление к политиканству и, наконец, со строгим порицанием относится к новым тогдашним радикально-демагогическим (у румын) и к нашим украинофильским веяниям, последствия коих мы видим в настоящее время на о. Сечинском, Романчуке, Тыминском и т. п.». В. Крестовский сделал вывод, что «этот простой, но выразительный язык гораздо чище деланного разными Кулишами литературно-малороссийского жаргона и несравненно ближе сего последнего к общерусскому языку. Это, можно сказать, один и тот же русский наш язык с незначительными отклонениями в сторону малорусского наречия, а самый стиль послания епископа Евгения сходствует более всего со стилем писаний наших старообрядцев» [25: 267–270].

В очерке «Православная церковь в Буковине (продолжение статей «Русский город в Австрии»)» (Русский вестник. 1891. Т. 217. Ноябрь. С. 104–123) В. Крестовский завершает рассказ о состоянии православной церкви в Буковине. Он уделяет внимание, как и в предыдущем

очерке, деятельности «религиозного» фонда, контролировавшего и распоряжавшегося имуществом православной митрополии. Автор отмечает, что «точно также, у русских буковинцев, как у галицких униатов, существует извечное обыкновение ходить на богомолье в близкий к ним Почаев. Два раза в году, обыкновенно на Духов день и на Успение Пресвятой Богородицы, в Почаеве появлялись сотни закордонных богомольцев из Галичины и Буковины. Делалось это тем проще, что австрийские пограничные власти не требовали паспортов от лиц, переходящих границу, так как временная отлучка их за кордон, по австрийским законам, не составляет никакого проступка». Но в 1889 г. «паломничество в Почаев было сочтено прямо за преступление». Возвращавшихся паломников жандармы задерживали, обыскивали, «приказывая раздеваться донага (даже женщинам)», искали у них русские образки, крестики или книги лаврского издания, отбирали даже Новый завет, отпечатанный в России. Жандармы утверждали, что уже само наличие последнего составляет государственное преступление. После Духова дня и 16 августа «громадские» (мирские) тюрьмы были переполнены богомольцами «всякого возраста и пола, до малых детей включительно». Они, в т. ч. и подростки, были преданы суду «за беспаспортный проход границы» и приговорены к денежным штрафам в 30 и 50 гульденов. По австрийским законам штраф может быть заменён арестом, в данном случае – от шести до десяти дней. Большинство осужденных были бедными крестьянами, но власти не согласились заменить им штрафы заключением и пришлось, чтобы уплатить штраф, продавать своё имущество за бесценок [26: 114–115].

В заключение статьи В. Крестовский задаётся вопросом: можно ли ставить в упрёк австрийскому правительству требование ко всем коронным чиновникам знать государственный язык и изъясняться исключительно на нём при исполнении служебных обязанностей? Вне же служебных отношений никто не ограничивает право говорить на родном языке: «Здесь это строго различается и никому не кажется странным. Да и так и быть должно. При этом только мне невольно вспомнилась наша Польша и Прибалтийский край... Боже мой, что за гвалт и какая пена злобы и ненависти поднимаются в тех же австрийских и германских газетах каждый раз, чуть только наше правительство делает в названных своих провинциях какую-либо попытку в пользу прав языка государственного! Сейчас со всех сторон раздаются яростные вопли и lamentации на тему «попрания вековых прав», принудительного «обрусения», фанатического «панрусизма», и пряные эпитеты «варварского», «деспотического», «угнетающего», «насилующего», «вероломного», так и сыплются по адресу нашего правительства...

А у себя-то?

У себя это объясняется, напротив, требованиями “высшей культуры” и “высшей цивилизации”. У себя это даже либерально» [26: 122–123].

В статье «Под австрияка или под прусса» (Русский вестник. 1891. Т. 217. Декабрь), написанной по результатам поездки В. Крестовского осенью 1891 г., сразу после посещения Черновцов, осенью 1890 г., по «прусско-польским» провинциям (княжеству Познанскому), он отмечал: «В заключение моих очерков о положении русского народа и православной церкви в Буковине, мне хотелось бы сказать несколько слов в пользу... австрийского режима, показав на наглядном примере, что жить под ним не так ещё плохо, как могло бы быть и как мне казалось. Для этого стоит лишь обратиться к сравнению его с режимом, заведённым пруссаками в прусско-польских провинциях, и посмотреть, как та же самая система, которую Австрия, при помощи поляков галицких, обращает против своих русских, применяется к делу Пруссии против поляков познанских <...> Австрийцы хотя и разрусят Галичину и Буковину; пруссаки задались целью расползти Познань вместе с Западной и Восточной Пруссией, то есть все то, что называлось некогда Великою Польшею. Для скорейшего онемечения этих великопольских провинций, немцы избрали три вернейших пути, которыми и идут к своей цели неуклонно, твёрдо и беспощадно. Пути эти – германизация школы, отчуждение церкви от народа и, наконец, изъятие земли из польских рук и водворение на ней немцев, при помощи официальной “колонизационной комиссии”. К этим путям князь Бисмарк прибавил ещё, в смысле воспособительных мер, конфискацию общественных польских библиотек, репрессии против экономических, учёных, благотворительных, артистических и иных польско-национальных обществ и повальное изгнание иностранцев, то есть собственно русских подданных, из велико-польских провинций» [27: 91–92].

Работая над очерками, касающимися русинской тематики, В. Крестовский обращался к источникам и вполне компетентно изложил историю Бессарабии и Буковины, историю православия в Буковине. Благодаря своей наблюдательности и писательскому мастерству автор передал диалоги с местным населением, используя местный говор, описал народную одежду русинов, выдвинул ряд предположений о происхождении названия «хорват», элементов народной одежды бессарабских руснаков, причин сокращения численности русского населения Буковины по данным австрийских переписей и т. д. Рассказал он и о расколе в русском движении в Буковине. В. Крестовский отрицательно высказался об украинофильстве, которое поддерживали австрийские власти, назвал его вредным явлением, оторвавшимся от «народной почвы» и сбивавшим «в русском

народе его национальное самосознание». В. Крестовский считал, что буковинские (и галицкие. – С.С.) «украинофилы» («народовцы») ничем не отличались от российских «народников». Здесь «нигилистические и социалистские наносы» «кристаллизировались в более узкую форму украинофильства». Как в России чуть раньше «чернышевщина и писаревщина», здесь работали «в полуобразованной среде разные кулишовщины, драгомановщины и т. п.». Он объяснил эти явления «полуобразованностью так называемого “интеллигентного слоя”», не способного «ни к самостоятельному мышлению и ни к здоровой оценке чужого мнения», склонного к «совершенно холопскому преклонению» перед либеральными идеями и «каждым радикально забористым выкрутасом» [25: 116].

Примечания

1. В ряде биографических справок указан год рождения – 1839. Однако сам В. Крестовский в «Альбоме М.И. Семевского» поставил год рождения 1840-й [42: 21]. Такая же путаница и с годом поступления его на военную службу.

2. Биография Ю.Л. Ельца напоминает биографию самого В. Крестовского: Елец Юлий (Юлиан) Лукьянович (24.06 (6.07).1862 – 20.05.1932, Дилбек, близ Брюсселя) – прозаик, публицист, журналист, военный историк. Из дворян Гродненской губернии, сын генерал-майора. Окончил вторую петербургскую военную гимназию (1880), Николаевское кавалерийское училище (1882) и Академию Генерального штаба (1888). До 1899 г. Служил в лейб-гвардии Гродненском гусарском полку. Написал его официальную историю (Т. 1–2. СПб., 1890–1897; 2-е изд. СПб., 1898; содержит, в частности, сведения о службе в полку М.Ю. Лермонтова). Литературную деятельность начал сотрудником газеты «Варшавский дневник». В 1892–1895 гг. исполнял обязанности помощника редактора – В. Крестовского, разделяя его взгляды. После смерти В. Крестовского Ю. Елец – редактор его собраний сочинений (1898–1905) и автор вступительной биографической статьи, в которой высоко оценил деятельность В. Крестовского. Ю. Елец печатался во многих литературных и военных журналах. Участник интервенции России в Китае 1900–1901 гг., был тяжело ранен, с 1903 г. в запасе. В Русско-японскую войну 1904–1905 гг. находился в действующей армии, в т. ч. как корреспондент газеты «Новое время». С 1905 г. жил в Петербурге. В 1908 г. уволен в отставку в чине полковника. Продолжал писать стихи и прозу. В Первую мировую войну был военным цензором, затем – заведующим бюро по опросу инвалидов и бежавших из плена. После Октябрьской ре-

волюции эмигрировал. В «Русской газете» (Париж) и других печатал рассказы. В романе «На крестном пути» (Ч. 1–3. София – Б., 1924) изобразил события 1917 г. и Гражданской войны [2].

3. В своё время В. Викторович отметил: «...рассматривая материалы биографии и творчества Крестовского, убеждаешься, что столь одиозное представление о нем далеко не всегда портрет с натуры, а подчас что-то вроде фоторобота, собранного, по свидетельствам современников, весьма субъективным, иногда прямо тенденциозным» [7: 44].

4. В. Викторович писал, что Д. Минаев в редактируемом им «Гудке» (до № 14 1862 г., когда он оставил журнал), «Искре», «Дневнике тёмного человека» и начавшемся вновь издаваться с 1863 г. «Русском слове» вёл настоящую литературную войну против В. Крестовского. После очередной разгромной статьи Минаева в январском номере 1863 г. в «Русском слове» В. Крестовский прекращает сотрудничество с газетой. Он вызвал Д. Минаева на дуэль, но тот отказался, выдав очередную эпиграмму [7: 54].

5. Имелось ввиду стихотворение «Я лежал на прибрежном песке» (Русское слово. 1861. № 5), прочитанное не только им, но и многими современниками как некрофильское (любовь к утопленнице). В. Викторович считал, что вряд ли именно этот смысл был вложен самим поэтом, «но возможность такого прочтения существует: Крестовскому в данном случае явно отказало чувство такта, да и художественного вкуса тоже. Безосновность его художнической натуры, своеобразная флюгерность “заносили” его за пределы эстетического, а отчасти уже и этического» [7: 46].

6. Обсуждение нравственно-этических норм поведения этого адвоката-либерала не является целью нашей статьи.

7. Описание процесса было напечатано в ряде изданий. Мы взяли за основу отчёты о процессе, опубликованные в «Новом времени» [47–53]. В них, к сожалению, присутствуют неточности, описки и предвзятость в освещении, как, впрочем, и в публикациях других изданий.

8. Текст предложенной В. Крестовским извинительной записки: «“1-го апреля сего 1875 года при защите дела Майкова и Крестовской я позволил себе недостойные выходки против г. Крестовского и выражения, оскорбительные для его доброго имени и чести, не имея на это ни нравственного, ни юридического права. Сознывая это, я беру назад мои слова и сим приношу добровольное извинение г. Крестовскому, которого, увлекаясь делом своей защиты, оскорбил, не имея к тому никаких оснований”. Подписано: Качаловым, Неверовым, и карандашом Соколовский» [48].

9. В 1874 г., у В. Крестовского состоялась дуэль со сослуживцем, поручиком гвардии графом Цукато, оскорбившим брата В. Крестовского Леонида, который служил юнкером в том же полку, что и В. Крестовский [14: XXXI; 18: 284].

10. К сожалению, необъективность освещения процесса газетой привела к тому, что выступления Терентьева даны в кратком изложении в отличии от выступлений Спасовича.

11. Из послужного списка В. Крестовского: «В походах и делах против неприятеля находился в турецкую войну 1877–1878 гг. Прибыл в г. Кишинёв 10 декабря 1876 г. Перешел границу в м. Унгенах и следовал в г. Плоэшти вместе с главной квартирой 1 мая 1877 г. Под Плевной при бомбардировании и атаках оной – с 26 августа по 2 сентября 1877 г. При Горном Дубняке – 12 октября 1877 г. Под Плевной при главной квартире в Боготе – с 13 октября по 19 декабря 1877 г. При сдаче Плевны и армии Османа-Паши – 28 ноября 1877 г. Командирован в Троянский отряд в качестве ординарца к начальнику оного генерал-лейтенанту Карцову 19 декабря 1877 г. В составе 1-го эшелона командирован на Троянов перевал для разработки путей к оному 21 декабря 1877 г. Находился: в ночном демонстративном деле на вершине Трояна против турецких укреплений в цепи 10-го стрелкового батальона – 23 декабря 1877 г.; при штурме Трояновских укреплений, при спуске с боем с хребта, при занятии сопротивлявшихся селений Текке и Карнари, при преследовании бегущего неприятеля к Малым Балканам – 26 декабря 1877 г.; в движении Трояновского отряда на Сокот, Карлово, Чукурлу, Каратопрак, к Чирнаку – с 1 января 1878 г. по 7 января 1878 г.; при переправе через реку Марицу у станции Тени-Маголе 8 января 1878 г.; в движении отряда генерал-лейтенанта Карцова на Хаскиой, Германлы, Мустафа Паша, Адрианополь и Демотику – с 9 января по 18 января 1878 г.; при занятии порта Дедеарар на Эгейском море – 21 января 1878 г. Командирован Великим князем Главнокомандующим в качестве ординарца при свиты Его Величества генерал-майоре Струкове в авангарде армии в Читалерку 10 февраля 1878 г. В Сан-Стефано – с 14 февраля по 10 июля 1878 г.» [20].

12. Как писал сам В. Крестовский, роман «Тьма Египетская» начал печататься в «Русском вестнике» в 1881 г., но был прекращён на третьей книжке из-за несогласия автора с М.Н. Катковым по еврейскому вопросу [42: 327]. Вновь стал публиковаться после смерти М. Каткова и назначения редактором Ф.Н. Берга [14: XL].

13. В 1955 г. прах В. Крестовского был перенесён с Никольского кладбища на Литературные мостки (участок на Волковском кладбище Санкт-Петербурга, музей-некрополь, место захоронения многих русских и советских деятелей искусства, учёных и общественных

деятелей). Автором бюста на постаменте (1946 г.) является скульптор Игорь Всеволодович Крестовский (1893–1976), сын писателя (См.: *Кудрявцев А.И., Шкода Г.Н.* Литературные мостки // Кобак А.В., Пирютко Ю.М. Исторические кладбища Санкт-Петербурга. М.;СПб.: Центрполиграф, 2009. С. 425).

14. Дети В. Крестовского от первой жены Варвары Дмитриевны Крестовской (Камелиной) (1841–1879): Мария Всеволодовна Картавцева (Крестовская) (1862–1910), Всеволод (1865–?) и Екатерина (1867–?) умерли в младенчестве. Дети В.В. Крестовского от второй жены Евдокии Степановны Крестовской (Петровой) (1867–1918): Владимир Всеволодович Крестовский (1888–1969), Василий Всеволодович Крестовский (1889–1914), Ольга Всеволодовна Юркевич (Крестовская) (1891–1976), Игорь Всеволодович Крестовский (1893–1976). Дочь Нина умерла в 5 лет, похоронена рядом с отцом [40: 522; 59].

15. Помимо других доказательств, изложенных, в частности, в приводимых в тексте «Воспоминаниях о В.В. Крестовском» И. Маркузе и др., есть ещё и материалы III Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии. В. Крестовский был фигурантом нескольких дел. В частности, есть донесение агента, в котором написано, что писатель ходит по всем притонам мошенников, сошёлся с многими из них, собирает материалы для романа. В этом ему содействует пристав 3-й части. Для подобных посещений он одевается в отрепья, и мошенники его считают «беспаспортным» [7: 48; 10: 20].

16. В очерке «Русский город в Австрии» В. Крестовский, из бесед с австрийскими дезертирами и по результатам посещения казарм 8-го драгунского полка, расквартированного в селении Жучке (Буковина) и встреч с австрийскими офицерами, сделал вывод о слабости австрийской армии: «...1) внутренняя племенная рознь между людьми, с которою ничего не поделаешь; 2) рознь религиозная между интолерантным, по самому характеру своему, римско-католическим и православным элементами, доходящая до полного непризнания даже наиболее чествуемых праздничных дней последнего, тогда как, например, солдатам еврейского закона предоставлена в этом отношении полная льгота; 3) недостаток духовного общения и единства людей со своими ближайшими начальниками, и 4) поддержание необходимой дисциплины только чисто внешними, формалистическими и довольно суровыми приёмами. Значит, тут существует одна только внешняя сплочённость, а внутренней связи – никакой. Такие войска, конечно, могут драться, как дрались некогда кондотьеры итальянских республик, ландскнехты тридцатилетней войны, или вербовочная пехота Фридриха II, особенно если случайный успех

будет сопровождать целый ряд их действий. Ну, а при неуспехе?.. И в особенности при первом же серьёзном неуспехе против армии, сильным сознанием своего народного единства и духом патриотизма, – тогда что?..» [25: 23–24].

17. При изложении истории Бессарабии В. Крестовский опирался на Лаврентьевскую летопись, труды А. Защука, И. Беляева и других исследователей.

18. Описывая православную церковь на Буковине, её историю и современное состояние, помимо собственных наблюдений, В. Крестовский основывался на ряде трудов по этой теме, основным из которых была монография В.П. Мордвинова «Православная церковь в Буковине» (СПб., 1874).

ЛИТЕРАТУРА

1. † 18 января в Варшаве редактор «Варшавского дневника», полковник Всеволод Владимирович Крестовский // Исторический вестник. 1895. Т. 59. Февраль. С. 684–685.

2. Антонов В.В., Носов А.А. Елец Юлий (Юлиан) Лукьянович // Русские писатели. 1800–1917. Биографический словарь / гл. ред. П.А. Николаев. Т. 2: Г–К. М.: Советская энциклопедия, 1992. С. 226.

3. Берг Ф.Н. В. Крестовский // Русский вестник. 1895. Февраль. С. 355–359.

4. Быков М. Офицер из трущоб // Русский мир. 2018. Январь. С. 60–65.

5. Быков П.В. Силуэты далёкого прошлого. С примечаниями Б. Козьмина. М.:Л: Земля и фабрика, 1930. 248 с.

6. Введенский А.И. Всеволод Владимирович Крестовский // Исторический вестник. 1890. Т. 42. Декабрь. С. 734–754

7. Викторovich В.А. Всеволод Крестовский: легенды и факты // Русская литература. 1990. № 2. С. 44–58.

8. Викторovich В.А. Достоевский и Вс. Крестовский // Достоевский. Материалы и исследования / отв. ред. Г.М. Фридлендер. Т. 9. Л.: Наука, 1991. С. 92–116.

9. Викторovich В.А. Крестовский Всеволод Владимирович // Русские писатели XII–XX вв. Биографический словарь Т. 3: К–М. / гл. ред. П.А. Николаев. М.: Большая российская энциклопедия; Фианит, 1994. С. 146–149.

10. Волошина С.М. III Отделение как институт проведения границ между «обычным» и «странным»: «странные» дела писателя В.В. Крестовского // Шаги/Steps. 2020. Т. 6. № 4. С. 9–27. doi: 10.22394/24129410202064927

11. Гудзова Я.О. В эпицентре идеологической борьбы: В.В. Крестовский как автор антиинигилистических романов // Культура и образование. 2020. № 1 (36). С. 57–65. doi: 10.24411/2310-1679-2020-10107

12. Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. 24: Дневник

писателя 1876. Ноябрь–Декабрь / текст подгот. и примеч. сост. В.Е. Ветловская и др.; ред. Е.И. Кийко, Г.М. Фридлендер. Л.: Наука, 1982. 518 с.; факс.

13. *Е-ец Ю. [Елец Ю.]* Всеволод Владимирович Крестовский (некролог). У гроба В.В. Крестовского // Варшавский дневник. 1895. № 17. 21 января (2 февраля). С. 2.

14. *Елец Ю.* Биография Всеволода Владимировича Крестовского // Собрание сочинений Всеволода Владимировича Крестовского. Т. 1: Петербургские труды. Ч. I–IV: С биографией В.В. Крестовского и его портретом / под ред. Ю.Л. Ельца. СПб.: Издание товарищества «Общественная польза», 1898. С. III–LV.

15. *Зильберман Ю.Я.* Памяти поэта и писателя В.В. Курицына (Не-Крестовского) // Валентин Владимирович Курицын (Не-Крестовский): сборник материалов / ТОУНБ им. А.С. Пушкина; сост. А.В. Яковенко; ред.: С.С. Быкова, Л.В. Чередникова. Томск, 2017. (Историко-краеведческий архив. Вып. 7). С. 6–13.

16. *Калугин В.И.* Крестовский Всеволод Владимирович (1839–1895) // Молитвы русских поэтов. XI–XIX. Антология. Авторский проект, составление, послесловие и биографические статьи В.И. Калугина. М.: Вече, 2010. С. 606–607.

17. *Каревин А.С.* Всеволод Крестовский. Пророк, которого не услышали // Исторические шахматы Украины. Герои и антигерои малорусской истории. М.: Центрполиграф, 2015. С. 72–78.

18. Крестовский Всеволод Владимирович // Военная энциклопедия. Т. 13: Кобленц – Круз фон А.И. / под ред. К.И. Величко [и др.]. СПб.: Т-во И.Д. Сытина, 1913. С. 283–285.

19. Крестовский Всеволод Владимирович [11(23).II.1840–18(30).I.1895] // Малая Советская энциклопедия / гл. ред. Б.А. Введенский. 3-е изд. Т. 5: Константен – Минерва. М.: Большая советская энциклопедия, 1959. С. 89.

20. Крестовский Всеволод Владимирович. Из послужного списка, составленного в 1895 г. РГВИА. Ф. 409. Оп. 1. Д. 133111. П/с 81696/10. Л. 103. URL: <https://runivers.ru/lib/authors/author57613/> (дата обращения: 05.05.2025).

21. *Крестовский В.* Петербургские тайны. От автора к читателю // Собрание сочинений Всеволода Владимировича Крестовского. Т. 1 Петербургские труды. Ч. I–IV. С биографией В.В. Крестовского и его портретом / под ред. Ю.Л. Ельца. СПб.: Издание товарищества «Общественная польза» [1898]. С. 1–4.

22. *Крестовский В.В.* Наша будущая война (Военно-политические письма) // Исторический вестник. Историко-литературный журнал. 1882. Т. 8. Апрель. С. 155–167.

23. *Крестовский В.* Наша будущая война (военно-политические письма) // Собрание сочинений Всеволода Владимировича Крестовского / под ред. Ю.Л. Ельца. Т. 5. СПб.: Издание товарищества «Общественная польза», [1898]. С. 574–580.

24. *Крестовский В.* Вдоль австрийской границы (Путевые заметки) // Собрание сочинений Всеволода Владимировича Крестовского / под ред. Ю.Л. Ельца. Т. 7. 1) В гостях у эмира Бухарского; 2) Вдоль закавказской границы; 3) Вдоль австрийской границы; 4) Русский город под австрийской маркой; 5) Новый путь в Центральную Азию; 6) По поводу толков о путях к Босфору; 7) Русская церковь на Японском море; 8) Ловкий и сильный удар англичан по России; 9) Синто и Буккё; 10) Посыет, Суйфун и Ольга; 11) Беловежская пуца; 12) Очерки кампании 1829 года в Европейской Турции; 13) Тамбовские дворянские выборы; 14) Непokoйный дом; 15) Степное гнездо; 16) Мезонин в Ревякиной улице; 17) Змеиный дед; 18) Вне закона. СПб.: Издание товарищества «Общественная польза», 1905. С. 287–309.

25. *Крестовский В.* Русский город под австрийской маркой // Русский вестник. 1891. Т. 212. Январь. С. 89–126; Т. 213. Март. С. 3–32; Т. 214. Июнь. С. 248–270.

26. *Крестовский В.* Православная церковь в Буковине (продолжение статей «Русский город в Австрии») // Русский вестник. 1891. Т. 217. Ноябрь. С. 104–123.

27. *Крестовский В.* Под австрияка или под прусса? // Русский вестник. 1891. Т. 217. Декабрь. С. 91–113.

28. *Крестовский В.* Собрание сочинений Всеволода Владимировича Крестовского / под ред. Ю.Л. Ельца. Т. 8. 1) Тьма египетская; 2) Тамара Бендавид; 3) Торжество Ваала. СПб.: Издание товарищества «Общественная польза», 1905. [4], 489 с.

29. Кто написал «Петербургские трущобы»? // Северный вестник. 1895. № 2. Февраль. С. 104–106.

30. *Ларионов Е.В.* По поводу одного острова (Гадания о будущем) // Исторический вестник. Историко-литературный журнал. 1882. Т. 9. Июль. С. 129–163.

31. *Маркузе И.К.* Воспоминания о В.В. Крестовском // Исторический вестник. 1900. Т. 79. Март. С. 979–1003.

32. *Масанов И.Ф.* Словарь псевдонимов русских писателей, учёных и общественных деятелей: в 4 т. Т. 2: Алфавитный указатель псевдонимов. Псевдонимы русского алфавита: К–П / ред. Б.П. Козьмин. М.: Изд-во Всесоюз. кн. палаты, 1957. 387 с.

33. *Муравьев Д.П.* Крестовский // Краткая литературная энциклопедия / гл. ред. А.А. Сурков. Т. 3: Иаков–Лакснесс. М.: Советская энциклопедия, 1966. Стб. 818–819.

34. *Назирова Р.Г.* Материалы к монографии о романе Ф.М. Достоевского «Бесы» // Назировский архив. 2013. № 2. С. 6–83.

35. *Никё М.* Французское переложение «Петербургских трущоб» В.С. Крестовского: «Петербургские тайны» Ивана Доффа (1877–1878) // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Со-

циальные, гуманитарные, медико-биологические науки. 2017. Т. 19, № 2. С. 112–116.

36. *Николаева О.В.* Хвоцинская (в замужестве Зайончковская) Надежда Дмитриевна, псевдоним – В. Крестовский // Русские писатели. Биобиблиографический словарь: в 2 ч. Ч. 2: М–Я / под ред. П.А. Николаева. М.: Просвещение, 1990. С. 349–351.

37. *Опочинин Е.Н.* Всеволод Владимирович Крестовский. URL: http://dugward.ru/library/krestovskiy/opochinin_krestovskiy.html (дата обращения: 05.05.2025).

38. Поэты 1860-х годов / вступ. статья, подг. текста и примеч. И.Г. Ямпольского. Малая серия. Изд. 3. Л.: Советский писатель, 1968. 764 с.

39. [Редакционная статья] // Собрание сочинений Всеволода Владимировича Крестовского. Т. 1. Петербургские трущобы. Ч. I–IV. С биографией В.В. Крестовского и его портретом / под ред. Ю.Л. Ельца. СПб.: Издание товарищества «Общественная польза», 1898. С. I.

40. *Саитов В.И.* Петербургский некрополь: В 4 т. Т. 2: Д–Л. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1912. [4], 727 с.

41. Сборник лучших лирических произведений русской поэзии / сост. А.Н. Сальников. СПб.: Издание В.И. Губинского, Государственная типография, 1901. [2], XIV, II, 599, с.: портр.

42. *Семевский М.И.* Знакомые. Альбом М.И. Семевского, издателя редактора исторического журнала «Русская старина». Книга автобиографических собственноручных заметок 850 лиц. Воспоминания. Стихотворения. Эпиграммы. Шутки. Подписи. 1867–1888. СПб.: Тип. В.С. Балашёва, 1888. XXXII, 416 с., из них 15 с. объявл.

43. *Скачков И.* Жизнь и творчество В.В. Крестовского // Крестовский В.В. Петербургские трущобы. Книга о сытых и голодных. Роман в шести частях. Ч. I–IV (главы I–LVIII) / общ. ред. и вступ. ст. И.В. Скачкова. М.: Правда, 1990. С. 3–22.

44. *Смирнов Н.А.* Слова и выражения воровского языка, выбранные из романа Вс. Крестовского «Петербургские трущобы». Отдельный оттиск из «Известий Отделения русского языка и словесности Императорской Академии Наук». Т. IV (1899 г.). Кн. 3. С. 1065–1087. СПб.: Типография Императорской академии наук, 1899. 23 с.

45. Список подполковников по старшинству. Исправлено по 1-е июня. СПб.: Военная типография, 1883. XL, 632 с.

46. Список полковникам по старшинству. Составлен по 1-е сентября 1893 г. СПб.: Военная типография (в здании Генерального штаба), 1893. XL, 818 с.

47. Судебная хроника. С.-Петербургский военно-окружной суд. Заседание 29 марта // Новое время. Еженедельная политическая и литературная газета. 1876. № 31. Вторник, 30 марта. С. 3.

48. Судебная хроника. С.-Петербургский военно-окружной суд. Заседание 29 марта. Дело поручика Крестовского, обвиняемого в оскорблении действием присяжного поверенного Соколовского (продолжение) // Новое время. Еженедельная политическая и литературная газета. 1876. № 32. Среда, 31 марта. С. 3.

49. Судебная хроника. С.-Петербургский военно-окружной суд. Заседание 29 марта. Дело поручика Крестовского, обвиняемого в оскорблении действием присяжного поверенного Соколовского (продолжение) // Новое время. Еженедельная политическая и литературная газета. 1876. № 33. Четверг, 1 апреля. С. 3.

50. Судебная хроника. С.-Петербургский военно-окружной суд. Заседание 29 марта. Дело поручика Крестовского, обвиняемого в оскорблении действием присяжного поверенного Соколовского (продолжение) // Новое время. Еженедельная политическая и литературная газета. 1876. № 34. Пятница, 2 апреля. С. 3.

51. Судебная хроника. С.-Петербургский военно-окружной суд. Заседание 29 марта. Дело поручика Крестовского, обвиняемого в оскорблении действием присяжного поверенного Соколовского (продолжение) // Новое время. Еженедельная политическая и литературная газета. 1876. № 35. Суббота, 3 апреля. С. 4.

52. Судебная хроника. С.-Петербургский военно-окружной суд. Заседание 29 марта. Дело поручика Крестовского, обвиняемого в оскорблении действием присяжного поверенного Соколовского (окончание) // Новое время. Еженедельная политическая и литературная газета. 1876. № 36. Вторник, 6 апреля. С. 4.

53. Судебная хроника. Дело поручика Крестовского с присяжным поверенным Соколовским. Заседание военного суда, 15 июня (из зала суда) // Новое время. Еженедельная политическая и литературная газета. 1876. № 106. Среда, 16 (28) июня. С. 3.

54. *Тамарченко Н.Д.* Крестовский Всеволод Владимирович // Русские писатели. Биобиблиографический словарь. Т. 1: А–Л / под ред. П. А. Николаева. М.: Просвещение, 1990. С. 370–372.

55. *Цебрикова М.К.* Очерк жизни Н.Д. Хвощинской-Зайончковской (В. Крестовского псевдонима) // Мир Божий. 1897. Декабрь. С. 1–40.

56. *Шарандина Н.Н.* Арготическая лексика в романе В.В. Крестовского «Петербургские трущобы» // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2000. № 2 (18). С. 93–98.

57. *Шарифуллина С.В.* Поэтическое наследие В.В. Крестовского // Вестник Череповецкого государственного университета. 2010. № 2. С. 51–53.

58. *Шевляков М., Берг Ф.* Петербургские трущобы // Северный вестник. 1895. № 3. Март. С. 103–105.

59. Geni. Всеволод Владимирович Крестовский. URL: <https://www.geni>.

com/people/%D0%92%D1%81%D0%B5%D0%B2%D0%BE%D0%BB%D0%BE%D0%B4-%D0%92%D0%BB%D0%B0%D0%B4%D0%B8%D0%BC%D0%B8%D1%80%D0%BE%D0%B2%D0%B8%D1%87-%D0%9A%D1%80%D0%B5%D1%81%D1%82%D0%BE%D0%B2%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9/6000000036059623378 (дата обращения: 12.03.2025).

REFERENCES

1. Anon. (1895) †18 yanvarya v Varshave redaktor “Varshavskogo dnevnika”, polkovnik Vsevolod Vladimirovich Krestovskiy [†January 18 in Warsaw, editor of the “Warsaw Diary”, Colonel Vsevolod Vladimirovich Krestovsky]. *Istoricheskiy vestnik*. 59. February. pp. 684–685.
2. Antonov, V.V. & Nosov, A.A. (1992) Elets Iuliy (Iulian) Luk'yanovich. In: Nikolaev, P.A. (ed.) *Russkie pisateli. 1800–1917. Biograficheskiy slovar'* [Russian writers. 1800–1917. Biographical Dictionary]. Vol. 2. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya. p. 226.
3. Berg, F.V. (1895) V. Krestovskiy. *Russkiy vestnik*. February. pp. 355–359.
4. Bykov, M. (2018) Ofitser iz trushchob [Officer from the slums]. *Russkiy mir*. January. pp. 60–65.
5. Bykov, P.V. (1930) *Silueti dalekogo proshlogo* [Silhouettes of the Distant Past]. Moscow: Zemlya i fabrika.
6. Vvedenskiy, A.I. (1890) V.V. Krestovskiy. *Istoricheskiy vestnik*. 42. December. pp. 734–754
7. Viktorovich, V.A. (1990) Vsevolod Krestovskiy: legendy i fakty [Vsevolod Krestovsky: Legends and Facts]. *Russkaya literatura*. 2. pp. 44–58.
8. Viktorovich, V.A. (1991) Dostoevskiy i Vs. Krestovskiy [Dostoevsky and Vs. Krestovsky]. In: Fridlender, G.M. (ed.) *Dostoevskiy. Materialy i issledovaniya* [Dostoevsky. Materials and Research]. Vol. 9. Leningrad: Nauka. pp. 92–116.
9. Viktorovich, V.A. (1994) Krestovskiy Vsevolod Vladimirovich. In: Nikolaev, P.A. (ed.) *Russkie pisateli XII–XX vv. Biograficheskiy slovar'* [Russian Writers of the 12th–20th Centuries. Biographical Dictionary]. Vol. 3. Moscow: Bol'shaya rossiyskaya entsiklopediya; Fianit. pp. 146–149.
10. Voloshina, S.M. (2020) III Otdelenie kak institut provedeniya granits mezhdu “obychnym” i “strannym”: “strannye” dela pisatelya V.V. Krestovskogo [Third Section as an Institution for Drawing Boundaries between the “Ordinary” and the “Strange”: The “Strange” Cases of the Writer V.V. Krestovsky]. *Shagi/Steps*. 6(4). pp. 9–27. DOI: 10.22394/2412-9410-2020-6-4-9-27
11. Gudzova, Ya.O. (2020) V epitsentre ideologicheskoy bor'by: V.V. Krestovskiy kak avtor antinihilisticheskikh romanov [At the Epicenter of Ideological Struggle: V.V. Krestovsky as the Author of Anti-nihilistic Novels]. *Kul'tura i obrazovanie*. 1(36). pp. 57–65. DOI: 10.24411/2310-1679-2020-10107

12. Dostoevsky, F.M. (1982) *Polnoe sobranie sochineniy: V 30 t.* [Complete Works. In 30 vols]. Vol. 24. Leningrad: Nauka.
13. E-ets Yu. [Elets, Yu.] (1895) Vsevolod Vladimirovich Krestovskiy (nekrolog). U groba V.V. Krestovskogo [Vsevolod Vladimirovich Krestovsky (obituary). At the Coffin of V.V. Krestovsky]. *Varshavskiy dnevnik*. 21st January (2nd February). p. 2.
14. Elets, Yu. (1898) Biografiya Vsevoloda Vladimirovicha Krestovskogo [Biography of Vsevolod Vladimirovich Krestovsky]. In: Krestovskiy, V.V. *Sobranie sochineniy Vsevoloda Vladimirovicha Krestovskogo* [Collected Works of Vsevolod Vladimirovich Krestovsky]. Vol. 1. St. Petersburg: Obshchestvennaya pol'za. pp. III–LV.
15. Zilberman, Yu.Ya. (2017) Pamyati poeta i pisatelya V.V. Kuritsyna (Ne-Krestovskogo) [In Memory of the Poet and Writer V.V. Kuritsyn (Ne-Krestovsky)]. In: Yakovenko, A.V., Bykova, S.S. & Cherednikova, L.V. (eds) *Valentin Vladimirovich Kuritsyn (Ne-Krestovskiy): sbornik materialov* [Valentin Vladimirovich Kuritsyn (Ne-Krestovsky): Collected Materials]. Tomsk: TOUNB im. A.S. Pushkina. pp. 6–13.
16. Kalugin, V.I. (2010) Krestovskiy Vsevolod Vladimirovich (1839–1895). In: Kalugin, V.I. (ed.) *Molitvy russkikh poetov. XI–XIX. Antologiya. Avtorskiy proekt, sostavlenie, posleslovie i biograficheskie stat'i V.I. Kalugina* [Prayers of Russian Poets. XI–XIX. Anthology. V.I. Kalugin's project, compilation, afterword, and biographical articles]. Moscow: Veche. pp. 606–607.
17. Karevin, A.S. (2015) *Istoricheskie shakhmaty Ukrainy. Geroi i antigeroyi malorusskoy istorii* [Historical Chess of Ukraine. Heroes and Antiheroes of Little Russian History]. Moscow: Tsentrpoligraf. pp. 72–78.
18. Anon. (1913) Krestovskiy, Vsevolod Vladimirovich. In: Velichko, K.I. et al. (eds) *Voennaya entsiklopediya* [Military Encyclopedia]. Vol. 13. St. Petersburg: I.D. Sytin. pp. 283–285.
19. Anon. (1959) Krestovskiy, Vsevolod Vladimirovich [11(23).II.1840–18(30).I.1895]. In: Vvedenskiy, B.A. (ed.) *Malaya Sovetskaya entsiklopediya* [Small Soviet Encyclopedia]. 3rd ed. Vol. 5. Moscow: Bol'shaya Sovetskaya entsiklopediya. p. 89.
20. Russian State Military Historical Archive. (n.d.) *Krestovskiy Vsevolod Vladimirovich. Iz posluzhnogo spiska, sostavlenogo v 1895 g.* [Krestovsky Vsevolod Vladimirovich. From the service record compiled in 1895]. Fund 409. List 1. File 133111. P/s 81696/10. p. 103. [Online] Available from: <https://runivers.ru/lib/authors/author57613/> (Accessed: 5th May 2025).
21. Krestovskiy, V. (1898a) *Sobranie sochineniy Vsevoloda Vladimirovicha Krestovskogo* [Collected Works of Vsevolod Vladimirovich Krestovsky]. Vol. 1. St. Petersburg: Obshchestvennaya pol'za. pp. 1–4.
22. Krestovskiy, V.V. (1882) *Nasha budushchaya vojna (Voenno-politicheskie pis'ma)* [Our Future War (Military-Political Letters)]. *Istoricheskiy vestnik. Istoriko-literaturnyy zhurnal*. 8. pp. 155–167.

23. Krestovskiy, V. (1898b) *Sobranie sochineniy Vsevoloda Vladimirovicha Krestovskogo* [Collected Works of Vsevolod Vladimirovich Krestovsky]. Vol. 5. St. Petersburg: Obshchestvennaya pol'za. pp. 574–580.

24. Krestovskiy, V. (1905a) *Sobranie sochineniy Vsevoloda Vladimirovicha Krestovskogo* [Collected Works of Vsevolod Vladimirovich Krestovsky]. Vol. 7. St. Petersburg: Obshchestvennaya pol'za. pp. 287–309.

25. Krestovskiy, V. (1891) Russkiy gorod pod avstriyskoy markoy [Russian city under the Austrian mark]. *Russkiy vestnik*. 212. pp. 89–126; 213. pp. 3–32; 214. pp. 248–270.

26. Krestovskiy, V. (1891a) Pravoslavnaya tserkov' v Bukovine (prodolzhenie statey "Russkiy gorod v Avstrii") [The Orthodox Church in Bukovina (continuation of the articles "A Russian Town in Austria")]. *Russkiy vestnik*. 217. pp. 104–123.

27. Krestovskiy, V. (1891b) Pod avstriaka ili pod prussa? [Under the Austrian or Under the Prussian?]. *Russkiy vestnik*. 217. pp. 91–113.

28. Krestovskiy, V. (1905b) *Sobranie sochineniy Vsevoloda Vladimirovicha Krestovskogo* [Collected Works of Vsevolod Vladimirovich Krestovsky]. Vol. 8. St. Petersburg: Obshchestvennaya pol'za.

29. Anon. (1895) Kto napisal "Peterburgskie trushchoby"? [Who wrote "Petersburg slums"?]. *Severnyy vestnik*. 2. pp. 104–106.

30. Larionov, E.V. (1882) Po povodu odnogo ostrova (Gadaniya o budushchem) [About one island (Fortune-telling about the future)]. *Istoricheskiy vestnik. Istoriko-literaturnyy zhurnal*. 9. pp. 129–163.

31. Markuze, I.K. (1900) Vospominaniya o V.V. Krestovskom [Memories of V.V. Krestovsky]. *Istoricheskiy vestnik*. 79. pp. 979–1003.

32. Masanov, I.F. (1957) *Slovar' psevdonimov russkikh pisateley, uchenykh i obshchestvennykh deyateley* [Dictionary of Pseudonyms of Russian Writers, Scientists, and Public Figures]. Vol. 2. Moscow: ALL-Union Book Chamber.

33. Muraviev, D.P. (1966) Krestovskiy. In: Surkov, A.A. (ed.) *Kratkaya literaturnaya entsiklopediya* [Brief Literary Encyclopedia]. Vol. 3. Col. 818–819. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya.

34. Nazirov, R.G. (2013) Materialy k monografii o romane F.M. Dostoevskogo "Besy." *Nazirovskiy arkhiv*. 2. pp. 6–83.

35. Niqueux, M. (2017) french transposition of "The St. Petersburg slums" of Vs. Krestovsky: "The St. Petersburg secrets" of Ivan Doff (1877–1878). *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiyskoy akademii nauk. Sotsial'nye, humanitarnye, mediko-biologicheskie nauki*. 19(2). pp. 112–116 (in Russian).

36. Nikolaeva, O.V. (1990) Khvoshchinskaya (v zamuzhestve Zaionchkovskaya), Nadezhda Dmitrievna, pseudonim – V. Krestovskiy [Khvoshchinskaya (married name Zayonchkovskaya), Nadezhda Dmitrievna, pseudonym – V. Krestovsky]. In: Nikolaev, P.A. (ed.) *Russkie pisateli. Biobibliograficheskiy slovar'* [Russian Writers. Biographical Dictionary]. Vol. 2. Moscow: Prosveshchenie. pp. 349–351.

37. Opochinin, E.N. (n.d.) *Vsevolod Vladimirovich Krestovskiy*. [Online] Available from: http://dugward.ru/library/krestovskiy/opochinin_krestovskiy.html (Accessed: 5th May 2025).

38. Yampolkiy, I.G. (ed.) (1968) *Poety 1860-kh godov* [Poets of the 1860s]. Leningrad: Sovetskiy pisatel'.

39. Elets, Yu.L. (1898) [Redaktsionnaya stat'ya] [Editorial]. In: Krestovskiy, V. *Sobranie sochineniy Vsevoloda Vladimirovicha Krestovskogo* [Collected Works of Vsevolod Vladimirovich Krestovsky]. Vol. 1. St. Petersburg: Obshchestvennaya pol'za. p. I.

40. Saitov, V.I. (1912) *Peterburgskiy nekropol': V 4 t.* [Petersburg necropolis: In 4 vols]. Vol. 2. St. Petersburg: M.M. Stasyulevich.

41. Salnikov, A.N. (ed.) (1901) *Sbornik luchshikh liricheskikh proizvedeniy russkoy poezii* [Collection of the best lyrical works of Russian poetry]. St. Petersburg: V.I. Gubinskiy, Gosudarstvennaya tipografiya.

42. Semevskiy, M.I. (1888) *Znakomye. Vospominaniya. Stikhotvoreniya. Epigrammy. Shutki. Podpisi. Al'bom M.I. Semevskogo, izdatelya redaktora istoricheskogo zhurnala "Russkaya starina."* *Kniga avtobiograficheskikh sobstvenoruchnykh zametok 850 lits. Vospominaniya. Stikhotvoreniya. Epigrammy. Shutki. Podpisi. 1867–1888* [Acquaintances. Memories. Poems. Epigrams. Jokes. Signatures. Album of M.I. Semevsky, publisher and editor of the historical journal "Russian Antiquity." A book of autobiographical handwritten notes of 850 persons. Memories. Poems. Epigrams. Jokes. Signatures. 1867–1888]. St. Petersburg: V.S. Balashev.

43. Skachkov, I. (1990) *Zhizn' i tvorchestvo V.V. Krestovskogo* [Life and Work of V.V. Krestovskiy]. In: Krestovskiy, V.V. *Peterburgskie trushchoby. Kniga o sytykh i golodnykh. Roman v shesti chastyakh* [The Petersburg Slums. A Book about the Well-Fed and the Hungry. A Novel in Six Parts]. Vols I–IV. Moscow: Pravda. pp. 2–22.

44. Smirnov, N.A. (1899) *Slova i vyrazheniya vorovskogo yazyka, vybrannye iz romana Vs. Krestovskogo "Peterburgskie trushchoby."* *Otdel'nyy ottisk iz "Izvestiy Otdeleniya russkogo yazyka i slovesnosti Imperatorskoy Akademii Nauk."* Vol. IV(3). S. 1065–1087 [Words and Expressions of the Thieves' Language, Selected from the Novel by Vs. Krestovsky "The Petersburg Slums." Separate reprint from the "News of the Department of Russian Language and Literature of the Imperial Academy of Sciences." Vol. IV (1899). Book 3. pp. 1065–1087]. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences.

45. Russian Empire. (1883) *Spisok podpolkovnikov po starshinstvu. Ispravleno po 1-e iyunya* [List of lieutenant colonels by seniority. Corrected as of June 1]. St. Petersburg: Voennaya tipografiya.

46. Russian Empire. (1893) *Spisok polkovnikov po starshinstvu. Sostavlenn po 1-e sentyabrya 1893 g.* [List of colonels by seniority. Compiled as of September 1, 1893]. St. Petersburg: Voennaya tipografiya.

47. St. Petersburg Military District Court. (1876a) *Sudebnaya khronika*.

S.-Peterburgskiy voenno-okruzhnoi sud. Zasedanie 29 marta [Court chronicle. St. Petersburg Military District Court. Session of March 29]. *Novoe vremya. Ezhenedel'naya politicheskaya i literaturnaya gazeta*. 30th March. p. 3.

48. St. Petersburg Military District Court. (1876b) Sudebnaya khronika. S.-Peterburgskiy voenno-okruzhnoi sud. Zasedanie 29 marta. Delo poruchika Krestovskogo, obvinyaemogo v oskorblenii deystviem prisiazhnogo poverennogo Sokolovskogo (prodolzhenie) [Court Chronicle. St. Petersburg Military District Court. Session of March 29. Case of Lieutenant Krestovsky, accused of insulting the attorney Sokolovsky by action (continued)]. *Novoe vremya. Ezhenedel'naya politicheskaya i literaturnaya gazeta*. 31st March. p. 3.

49. St. Petersburg Military District Court. (1876c) Sudebnaya khronika. S.-Peterburgskiy voenno-okruzhnoi sud. Zasedanie 29 marta. Delo poruchika Krestovskogo, obvinyaemogo v oskorblenii deystviem prisiazhnogo poverennogo Sokolovskogo (prodolzhenie) [Court Chronicle. St. Petersburg Military District Court. Session of March 29. Case of Lieutenant Krestovsky, accused of insulting the attorney Sokolovsky by action (continued)]. *Novoe vremya. Ezhenedel'naya politicheskaya i literaturnaya gazeta*. 1st April. p. 3.

50. St. Petersburg Military District Court. (1876d) Sudebnaya khronika. S.-Peterburgskiy voenno-okruzhnoi sud. Zasedanie 29 marta. Delo poruchika Krestovskogo, obvinyaemogo v oskorblenii deystviem prisiazhnogo poverennogo Sokolovskogo (prodolzhenie) [Court Chronicle. St. Petersburg Military District Court. Session of March 29. Case of Lieutenant Krestovsky, accused of insulting the attorney Sokolovsky by action (continued)]. *Novoe vremya. Ezhenedel'naya politicheskaya i literaturnaya gazeta*. 2nd April. p. 3.

51. St. Petersburg Military District Court. (1876e) Sudebnaya khronika. S.-Peterburgskiy voenno-okruzhnoi sud. Zasedanie 29 marta. Delo poruchika Krestovskogo, obvinyaemogo v oskorblenii deystviem prisiazhnogo poverennogo Sokolovskogo (prodolzhenie) [Court Chronicle. St. Petersburg Military District Court. Session of March 29. Case of Lieutenant Krestovsky, accused of insulting the attorney Sokolovsky by action (continued)]. *Novoe vremya. Ezhenedel'naya politicheskaya i literaturnaya gazeta*. 3rd April. p. 4.

52. St. Petersburg Military District Court. (1876f) Sudebnaya khronika. S.-Peterburgskiy voenno-okruzhnoi sud. Zasedanie 29 marta. Delo poruchika Krestovskogo, obvinyaemogo v oskorblenii deystviem prisiazhnogo poverennogo Sokolovskogo (prodolzhenie) [Court Chronicle. St. Petersburg Military District Court. Session of March 29. Case of Lieutenant Krestovsky, accused of insulting the attorney Sokolovsky by action (continued)]. *Novoe vremya. Ezhenedel'naya politicheskaya i literaturnaya gazeta*. 6th April. p. 4.

53. Military Court. (1876g) Sudebnaya khronika. Delo poruchika Krestovskogo s prisiazhnyim poverennym Sokolovskim. Zasedanie voennogo suda, 15 iyunya (iz zala suda) [Court Chronicle. The Case of Lieutenant Krestovsky and Attorney

Sokolovsky. Session of the Military Court, June 15 (from the courtroom)]. *Novoe vremya. Ezhenedel'naya politicheskaya i literaturnaya gazeta*. 16th (28th) June. p. 3.

54. Tamarchenko, N.D. (1990) Krestovskiy Vsevolod Vladimirovich. In: Nikolaev, P.A. (ed.) *Russkie pisateli. Biobibliograficheskiy slovar'* [Russian Writers. Biographical Dictionary]. Vol. 1. Moscow: Prosveshchenie. pp. 370–372.

55. Tsebrikova, M.K. (1897) Ocherk zhizni N.D. Khvoshchinskoy-Zaionchkovskoy (V. Krestovskogo psevdonima) [Essay on the Life of N.D. Khvoshchinskaya-Zayonchkovskaya (V. Krestovsky's pseudonym)]. *Mir Bozhiy*. December. pp. 1–40.

56. Sharandina, N.N. (2000) Argot in V.V. Krestovsky's novel "Petersburg Slums." *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki*. 2(18). pp. 93–98. (In Russian).

57. Sharifullina, S.V. (2010) Poeticheskoe nasledie V.V. Krestovskogo [Poetic heritage of V.V. Krestovsky]. *Vestnik Cherepovetskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2. pp. 51–53.

58. Shevlyakov, M. & Berg, F. (1895) Peterburgskie trushchoby [The Petersburg Slums]. *Severnyy vestnik*. 3. pp. 103–105.

59. Geni. (n.d.) Vsevolod Vladimirovich Krestovskiy. [Online] Available from: <https://www.geni.com/people/%D0%92%D1%81%D0%B5%D0%B2%D0%BE%D0%BB%D0%BE%D0%B4-%D0%92%D0%BB%D0%B0%D0%B4%D0%B8%D0%BC%D0%B8%D1%80%D0%BE%D0%B2%D0%B8%D1%87-%D0%9A%D1%80%D0%B5%D1%81%D1%82%D0%BE%D0%B2%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9/6000000036059623378> (Accessed: 12th March 2025).

Суляк Сергей Георгиевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории народов стран СНГ Института истории Санкт-Петербургского государственного университета (Россия).

Sergey G. Sulyak – St. Petersburg State University (Russia).

E-mail: s.sulyak@spbu.ru